

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРГЕЙ САВЕЛОВ

ШАНС.

Выполнение замысла

КОММУНИЗМ -
ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА,
И ЕГО
ВОЗВОДИТЬ
МОЛОДЫМ
МАЯКОВСКИЙ

Книга 3

Сергей Савелов

**Шанс. Выполнение замысла.
Сергей Савелов. Книга 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Савелов С.

Шанс. Выполнение замысла. Сергей Савелов. Книга 3 /
С. Савелов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь и приключения главного героя продолжаются, но всегда все получается так, как мы хотим. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	5
Приезд.	5
Эдик.	7
Тетя Света.	9
Ксенофонтов.	11
Отступление. Ксенофонтов.	17
Отступление. Ксенофонтов и Романов.	18
Ленинградское утро.	20
Подготовка к встрече.	22
Романов.	26
Отступление. Романов. Ксенофонтов.	30
Глава 2.	33
Тетя Света.	33
Начало ремонта.	35
Знакомство с дворовыми ребятами.	40
Отступление. Романов.	43
Отступление. Романов и Ксенофонтов.	46
Ремонт.	49
Выезд на рыбалку.	51
Ксенофонтов. Романов. Рыбалка.	54
Тетя Света.	68
Эдик и подруги.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Савелов

Шанс. Выполнение замысла.

Сергей Савелов. Книга 3

Глава 1.

Приезд.

Второй раз за нынешнее лето выгрузился на Московском вокзале Ленинграда. Сегодня мне повезло – достался билет в купе, поэтому выспался. Привычно ищу глазами носильщиков. Наивный. Ушлых «портеров» не интересуют пассажиры обычного пассажирского поезда из провинции, в большинстве своем предпочитающие не расставаться с кровными рублями, а тащить свои узлы и чемоданы на себе. Потащил и я до камеры хранения. Мама не пожалела гостинцев для двоюродной сестры, тем более в период урожая и не подумала о любимом сыне, которому все это приходится таскать на себе.

Сегодня четырнадцатое августа, понедельник (который тяжелый), пусть будет только из-за моей ручной клади. Тетя Света явно на работе. Ее рабочего телефона не знаю, поэтому планирую появиться у нее с мамиными гостинцами только вечером. Надеюсь, она обрадуется мне больше, чем гостинцам.

К Андрею Мальшеву, соседу по бараку сейчас ехать не надо. Еще дома узнал, что он на каникулы уехал к другу в Молдавию. Наверняка к Юрке. Вот винца вдоволь попьет! Говорят, что там вино пьют вместо воды, кваса, лимонада и чая.

После того, как избавился от груза ищу свободный телефон-автомат и нашариваю «пятак». Эдику в Петродворец звонить можно только за пять копеек.

Помню, что на территории моего военного училища было два телефона-автомата и по вечерам возле них выстраивались большие очереди из желающих позвонить родным или подружкам, но вероятно, эти аппараты практически не приносили дохода, так как у каждого курсанта, которому приходилось часто звонить был просверленный пятак на нитке. С помощью этой немудреной хитрости при некоторой ловкости получалось звонить бесплатно. Главное вовремя успеть выдернуть монетку после разговора. «Может тоже обзавестись таким «девайсом» пока нахожусь в Питере?» – появилась мысль. Ведь Эдику звонить придется часто.

К телефону подошел его отец. Моего друга дома еще не было. Это в двенадцать часов дня! Видимо у него роман с девчонкой – будущей женой из Сосновой Поляны в полном разгаре, а может тот и не у нее, учитывая любвеобильность Эдика. Он всегда был «многостаночником» и не смущался действовать одновременно на нескольких фронтах.

Отец не смог сообщить о времени появления блудного сына, но заверил, что тот дома появляется каждый день. По-видимому, физической пищей Эдика кормят только дома. Я пообещал перезвонить через пару часов.

Мне предстояло где-то «убить» это время. Решил, что в Новом Петергофе мне это будет сделать удобнее, поэтому отправился на метро на Балтийский вокзал.

Вновь прохожу мимо стен моего (или уже не моего) училища. Здесь сейчас пусто. Большинство курсантов в отпусках. Абитуриенты-первокурсники – в Учебном центре на полигоне. У них сейчас что-то типа Курса молодого бойца. Через неделю их привезут сюда и будут готовить к Присяге.

Среди них мой земляк Юрка Павлов. Познакомимся или познакомимся (не знаю, как выразиться точнее) мы с ним в одном из моих отпусков, встретившись в военкомате, когда ставили отметки о прибытии в отпуск в Отпускном билете курсанта. Уже тогда у меня, как, наверное, у всех, кто носит или носил форму появилась привычка в первую очередь смотреть на погоны встречного военнослужащего, затем на петлицы, а уже потом на лицо. Так и мы с Юркой при встрече, увидев одинаковые красные погоны с золотистыми продольными просветами, желтой буквой «К» и «капустой» на красных петлицах заинтересовались друг другом и познакомимся. Оказалось, что мы из одного училища.

Потом часто в училище встречались, оказывая друг другу различные услуги. Делились шерстяными носками, меховыми варежками и «вшивниками» для утепления перед полевыми выходами роты или батальона.

Юрка после окончания училища будет направлен в Афганистан. Однако на офицерских подготовительных курсах в Термезе он подхватит брюшной тиф и умрет. Вот так в конце двадцатого века при развитой Советской медицине не смогли спасти замечательного парня, молодого офицера и моего друга.

Возможно, я его спасу, как и многие тысячи офицеров и солдат, предотвратив Афганскую войну.

Эдик.

Поболтавшись среди толп зевак по Нижнему Парку и перекусив в кафе, набираю телефонный номер Эдика снова. Тот дома, но уже спит. «Эх, тяжела активная половая жизнь!» – мысленно иронизирую.

Не выспавшийся и поэтому хмурый Эдик появился на крыльце своего дома, разбуженный младшим братом, но увидев меня, расцвел.

– Наконец-то, соизволил навестить! – воскликнул обрадованно. – Надолго? – интересуется.

Пожимаю плечами.

– Пойдем ко мне, – приглашает радушно, – есть не хочешь?

– Только что из кафе, – информирую.

– Зачем? – удивляется. – Пожрать можно было бы у меня, а в кафешке бы отдохнули просто.

– Нам и сейчас ничего не мешает это сделать. Заодно и поговорим, – улыбаюсь, радуясь встрече с другом.

– Тогда пойдем в «Петрович», – подумав, сообщает. – Что-то жажда мучает, душа пива просит, – жалуется.

Киваю. Пивной бар под народным названием «Петрович» мне нравился с курсантских времен. Несмотря на близость к Петергофским достопримечательностям это заведение было популярно только у местных жителей и, как правило, свободно от туристов, возможно из-за отсутствия горячих блюд. Зато здесь можно было выпить кружку-другую холодного свежего пива под соленую солонку или сушки. Может даже повезти и попасть на вареные раки. «Пейте пиво сраками!» – вспомнилась будущая шутка Эдика.

Прошу Эдика познакомить меня с родными, а то общаюсь с его отцом анонимно. Друг представляет меня полностью седому сухощавому мужчине, лет пятидесяти. Знаю, что отец Эдика военный пенсионер и инвалид. Подхваченная в период воинской службы «желтуха» посадила ему печень, а заработанная язва желудка уложила на операционный стол. Эти и множество других болезней не позволяли ему работать. С мамой Эдика познакомиться не довелось, так как она находилась на работе в школе-интернате «Красные Зори», расположенном на окраине Петродворца. «А родной младший брат на друга совсем не похож» – отметил мысленно при знакомстве.

В баре Эдик, недолго думая заказал сразу четыре кружки пива. Тарелочку с солеными сухариками из подсушенного черного хлеба прихватил я.

– Чтобы потом не бегать, – пояснил он, пояснил он свою жадность.

– Как у тебя прошло в прошлый раз? – поинтересовался моими делами, ополовинив первую кружку.

– Благодаря твоей и тетиной информации мне все удалось тогда, – польстил ему. – Вот сейчас пригласили на переговоры, – сообщаю часть правды, – и вновь понадобится твоя помощь. По всей видимости, мое пребывание в Питере затянется, а дома остались подружки и незавершенные дела, поэтому хотел бы воспользоваться вашим домашним телефоном для связи, – объясняю другу. – Если ты и твои родители не будут против, то по субботам во второй половине дня я сам или твои родные принимали бы телефонные сообщения с моей родины, – прошу.

– Нет проблем, – отвечает не задумываясь. – Ты и сам бы мог звонить, когда надо, – предлагает.

– Спасибо, но мне звонить некуда. У моих абонентов нет домашних телефонов, – выдаю часть легенды.

– Тогда можешь им сообщить дополнительно номер телефона моей подружки. Бабы быстро найдут общий язык, когда будут нас обсуждать, – смеется. – Сколько у тебя подружек? – вспоминает мою оговорку.

– Близких двое, которым оставил твой номер, – признаюсь. – Но они друг о друге не знают, – предупреждаю.

Эдик понимающе смеется:

– Здесь можешь еще пару завести. У моей Ленки свободных подруг полно. Сам иногда хочу сунуть той или этой.

За шутками и разговорами просидели до пяти часов вечера. Эдик замечательный, легкий и веселый собеседник. Мог «трещать» без остановок.

В училище он постоянно получал за это замечания командиров. Вместе с командой «Рота, подъем!» у него открывался рот и не закрывался до отбоя, с перерывами на лекции, занятия и приемы пищи. Его болтовня отвлекала от тяжести армейской службы, развлекала и забавляла.

В баре Эдик «усидел» несколько кружек. Пришло время мне двигаться за гостинцами на вокзал и к тете Свете. Эдик опять отправился провожать меня до Сосновой Поляны.

Тетя Света.

Тетя, увидев меня, очень обрадовалась и даже прослезилась. За ужином рассказала свои немногочисленные новости и стала спрашивать о наших. Мама вроде переписывалась с ней, поэтому выделенная вне очереди квартира нашей семье – не новость. Польстил ей, рассказав о радости отца от подаренного галстука. Сообщил о телеграмме Ксенофонтова П. П. с просьбой приехать в Ленинград.

– Странная телеграмма, – проявила житейскую мудрость тетя Света, перечитывая в очередной раз текст. – Мне казалось, что в подобных случаях должны вызывать по официальному поводу как-то по-другому, – удивляется. – Почему ты не сообщил о своем приезде, как здесь просят? – интересуется, взмахивая бланком.

– Потому что не могу заранее знать на какой транзитный пассажирский поезд смогу взять билет. У нас начинают продавать билеты за час до прибытия поезда. Может и не повезти, тогда приходится ждать следующего, а их всего два. В сезон это не редкость. Пользоваться Кассой предварительной продажи билетов нет резона. Вероятно, тогда смогу взять билет только на сентябрь, – посвящаю в реальность провинциальной жизни. – Из-за этого и сваливаюсь к вам без предупреждения, как снег на голову, – улыбаюсь виновато.

– Сваливайся, как хочешь, лишь бы почаще, – смеется и ерошит мне волосы. – Тебе в этот раз какая помощь от меня нужна? – спрашивает.

Пожимаю плечами:

– Спасибо, пока ничего не надо. Только стол и кров. Могу сам вам помочь, – киваю на капающий кран, – и еще по мелочам, требующих мужских рук.

– Не надо, сама справлюсь. Занимайся своими делами, отдыхай, гуляй по Ленинграду, – отказывается. – В выходные могу составить тебе компанию, – предлагает. – Век в музеях или театре не была, – жалуется и неожиданно загорается новой идеей:

– Лучше в субботу устроим вечеринку с твоими песнями и танцами. В прошлый раз ведь сорвался уик-энд из-за твоего скорого отъезда. Ты как?

В очередной раз пожимаю плечами. Тетю огорчать мне совершенно не хочется.

– Вот и договорились, – радуется. – Такой пир закатим! – восклицает. – Как же мои подружки будут шокированы, когда узнают, что у меня племянник такой талантливый! Я им уже говорила, но пусть сами тебя послушают, – заранее предвкушает.

Наутро, несмотря на тетин отказ от помощи, отправился в местную контору коммунального хозяйства. Женщина в сером халате, задерганная телефонными звонками и руганью с присутствующими слесарями и сантехниками, занесла мою заявку в какой-то потрепанный «гроссбух» и заверила, что направит к нам мастера, как только тот освободится. Дождаться неизвестно, когда и кого не хотелось. Оглядел немногочисленный присутствующий пролетариат. Выделил молодого, одетого в чистую спецовку парня со спокойным взглядом, не участвующего в общем базаре. Подмигнул ему и кивнул на выход. Мои действия не остались незамеченными, и мужики недовольно заворчали нам вслед.

На улице представляюсь, объясняю свое положение и проблему. Прошу указать мне того, кто может незамедлительно помочь с ремонтом.

– Я тебя устрою? – спокойно спрашивает, улыбаясь. – Сейчас инструмент заберу, и пойдем, – сообщает, дождавшись моего кивка.

За сорок минут Вадим управился с кухонным краном, проверил и чего-то подправил в сливном бачке в туалете и осмотрел смеситель в ванной. В конце порекомендовал все же заменить кухонный кран. Рыскать по городу в поисках этого «девайса» меня не радовало, поэтому поинтересовался возможностями Вадима. Тот равнодушно сообщил, что у него нет проблем

с всевозможной сантехникой, электрикой и прочими бытовыми мелочами. Достанет все, что угодно, вплоть до импорта, были бы деньги и желание у клиента.

Я загорелся идеей сделать тете Свете подарок и предложил Вадиму заменить в квартире все, что тот посчитает нужным, не считаясь с деньгами, но в пределах разумного. (Понимающе улыбаюсь). Попросил не наглеть и заверил, что если хозяйка останется довольна, то его деньгами не обижу. Сунул за сегодняшнюю работу «пятерку». Тот, удивившись, признался, что клиенты обычно стараются отделаться рублем или трояком. Расстались довольные друг другом, обменявшись телефонами.

Ксенофонтов.

Прихватив телеграмму отправился, наконец, по адресу, указанному в ней. Обдумывать и планировать свои действия не хотелось пока не выяснится, кто такой Ксенофонтов П. П. Может это какой-то мелкий клерк, которому мимоходом указали организовать встречу какого-то школьника из провинции?

Дом Ксенофонтова оказался современным двенадцатиэтажным, но не обычной архитектуры и расцветки. Вообще я обратил внимание, что в Питере стараются строить красивые и не стандартные дома, в отличие от типовых одинаковых пятиэтажек в моем городе. На звонки в квартиру никто не отзывался. «Как он собирался получать телеграмму и встречать меня?» – удивился.

К этому я оказался не готов. Чтобы убить время решил сходить в кино. У молодой мамы с коляской выяснил, где находится ближайший кинотеатр. Взял билет на ближайший сеанс фильма «Служебный роман». Две серии – то, что мне надо если предположить, что Ксенофонтов сейчас на работе. Если вечером самого не застану, то дома должен кто-то быть из его близких.

В ожидании сеанса в буфете кинотеатра купил три шарика мороженого с сиропом в металлической вазочке на ножке. «Вкусно, блин! Только ради мороженого стоит спасать СССР!» – мысленно иронизирую.

Наконец сижу в мягком кресле зрительного зала. Несмотря на разгар рабочего дня зрителей полный зал. Фильм недавно вышел на экран и сейчас набирает популярность. Слежу за развитием знакомого сюжета, периодически отвлекаясь мысленно. Мне, всегда нравился этот фильм с Мягковым и Фрейндлих в главных ролях. Мягкову удаются роли безобидных «недо-теп», как в этом фильме или в «Иронии судьбы...». Подобран хороший актерский состав.

Задумался о Лии Ахеджаковой. Яркая, запоминающаяся актриса. Чего ей не хватало? Откуда у нее появилась такая ненависть к своей Родине, стране и русским в будущем? Значит и сейчас она живет, играет, пользуется заслуженной зрительской любовью простых людей и властей, а сама держит «фигу» в кармане! Та же Алиса Фрейндлих должна больше обижаться на Советскую власть из-за того, что вроде бы незаслуженно пострадала сама или ее родственники во время войны из-за немецкого происхождения. Однако она не отметилась яркой анти-советчиной и русофобией в будущем, когда разрешили всем открыть рты и гнать с экранов, страниц печатных изданий и в интернете любую грязь на страну и людей ее населяющих.

Нельзя отменять цензуру, если у отдельных популярных людей нет внутренней цензуры и понятий о примитивных правилах приличия. Я и, подозреваю, многие отвернулись от подобных лиц, стоило тем заявить во всеуслышание о своей позиции. Но у скольких простых людей они остались в любимых актерах, к которым прислушиваются?

Тот же Басилашвили, играющий в этом фильме. Как киноактер он мне не особо нравился, кроме как в фильме «Противостояние». Тоже в будущем проявился, как русофоб и активный противник интересов России. Сколько таких сейчас в стране?

Любимец молодых девчонок и женщин всех поколений Вахтанг Кикабидзе. Не являлся никогда моим кумиром, но признаю, что он замечательный певец и актер. Когда в будущем, как-то случайно послушал его интервью на телевидении, то был поражен его примитивным мышлением, отсутствием умного юмора, «плоскими» несмешными шутками и какой-то туповатостью. Все-таки играть сценарии и петь со сцены – это одно, а думать самостоятельно, иметь некоторый кругозор, способность анализировать и делать выводы – совсем другое. Как активно Кикабидзе поддерживал Мишико после «революции роз» и развязанной тем войны против осетин! Как тогда грозил, плевался и лил грязь на Россию! Заткнулся сразу после того, как сами грузины возмутились деятельностью его кумира Саакашвили и выгнали из страны.

А кумир нынешней молодежи Макаревич? Ему-то чего сделала плохого Россия? Понятно, что «рокирольщик» изначально находится в оппозиции к любой власти. В молодости мы все бунтари и максималисты не довольные многими порядками в стране, но с возрастом должна же появиться некоторая житейская мудрость и понимание, что невозможно «весь изменчивый мир прогнуть под нас»?! Из-за чего он стал активным оппозиционером существующей власти и ярким противником интересов России на склоне лет? На что он рассчитывал? На что обиделся? Потерял незаконно приобретенную собственность в Крыму? Мало было денег? Рассчитывал, что, публично заявив о своей позиции против интересов страны толпы поклонников, как в молодости понесут его на руках в качестве знамени и пойдут за ним?

Раньше мне всегда нравилось его творчество. В будущем с удовольствием смотрел телепередачу «Смак» с его участием в качестве ведущего и другие репортажи о путешествиях и дайвинге, но после его публичных выступлений в поддержку «революции достоинства» на Украине и против отделения Крыма от русофобской бывшей «братской» страны, он мне стал противен. Может у него наступил старческий маразм?

Сейчас Макаревич и его песни популярны у молодежи. Ребята в походе, на туристическом слете и в комсомольском лагере с удовольствием перепевали песни «Машины времени». Меня неоднократно просили их исполнить, но я никогда не соглашался на это без объяснения причин.

Из кинотеатра вышел задумчивым в отличие от большинства довольных зрителей и направился опять в адрес. Вторая попытка. Не хотелось бы, как в сказке ждать третьей.

На звонок дверь открыл высокий подтянутый седой мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в мягкие фланелевые брюки, обычную рубашку с закатанными рукавами и в тапочках. На мое приветствие внимательно окинул взглядом и уточнил:

– Соловьев Сергей? Так и думал, что ты таким образом появишься, – констатировал. – Проходи, раздевайся, – предложил посторонившись, не дожидаясь моего ответа.

В прихожей оставил сумку и влез в предложенные хозяином тапочки. Не понравился мне взгляд хозяина. Холодный, изучающий, пронзительный. «Не он ли приезжал в мой город? Не его ли «урки» признали оперативником?» – закрались вопросы. Опасный «мэн»! С ним нужно держать «ухо востро»!

– Проходи на кухню, – радушно предлагает. – Составишь мне компанию за ужином?

– Извини, разносолов «нэмае». Ужин холостяцкий, – предупреждает, указывая на кухонный табурет у стола.

Сам надевает фартук на шею и поворачивается к плите, на которой стоит сковорода с жарящимися котлетами. Обычного беспорядка на кухонном столе, который всегда присутствует при приготовлении котлет, не замечаю. «Значит, котлеты куплены, как полуфабрикат или приготовлены заранее. Точно холостякует», – делаю вывод. Об этом же свидетельствует кухонная обстановка. Все по-спартански и функционально. Ничего лишнего. Даже цветов нет на подоконнике. На стене только безликий натюрморт с видом подсолнухов.

– Давно приехал? Как добрался? – проявляет традиционный интерес, скользнув по мне взглядом.

– Сегодня. Нормально, – отзываюсь.

– Остановиться есть где? Если что – можешь у меня. Места хватит, – проявляет гостеприимство, при этом останавливаясь взглядом на моем лице.

– Есть где, спасибо, – стараюсь ответить равнодушно.

«Ох, не нравится мне его взгляд!» – мысленно отмечаю в очередной раз.

– Можешь называть меня Петром Петровичем, – представляется.

Киваю.

– Хлеб пока порежь, пожалуйста, – просит.

Ставит передо мной разделочную доску с нецелой буханкой черного хлеба, пластмассовое блюдо и кладет длинный нож. Сам отходит к мойке и начинает мыть огурцы и помидоры с зеленью. Попутно рассказывает о Ленинградских новостях, периодически интересуясь моим мнением. Таким образом, он касается тем спорта и бокса в частности, современной эстрады, театра и кино.

«Похоже на скрытый допрос-изучение объекта!» – размышляю про себя.

Петр Петрович выкладывает на отдельную тарелку готовые котлеты, моет сковороду и вновь ставит на огонь. Добавляет растительного масла и вываливает из кастрюли макароны для разогрева. На обеденный стол водружает блюдо с салатом. Помидоры и огурцы порезаны крупно, как я люблю. «Майонеза бы к ним!» – мечтаю про себя. Будто угадывая мои мысли, хозяин достает себе и мне чистые маленькие тарелочки, банки с майонезом и импортным кетчупом.

– Делай для себя как хочешь, а мне острое и жирное противопоказано, – сообщает, потирая бок.

Выкладывает на тарелки готовые макароны и добавляет по две котлеты. Подумав, достает из холодильника начатую бутылку водки и ставит в центр стола. Достает из подвешного шкафа со стеклянными дверцами и ставит на стол ДВЕ рюмки.

– Спасибо. Я не пью, – отказываюсь.

– Совсем? – демонстративно удивляется.

Пожимаю плечами и признаюсь:

– Иногда приходится поддерживать. Порой проще пригубить, чем объяснять, почему не пьешь.

– А сухого вина выпьешь? Отметим твой приезд, встречу и знакомство заодно, – настаивает.

– А сока нет? – продолжаю оказываться.

Как бы неохотно Петр Петрович поднимается и бормочет:

– Вино в малых дозах рекомендуют даже врачи. Вроде был где-то сок.

Достает из холодильника открытую трехлитровую банку яблочно-персикового сока. Ставит на стол и рядом стакан.

– Давай, сам распорядись, – кивает на банку.

Наливаю стакан и с удовольствием отпиваю. Пить все же хочется. Хозяин со скрытой усмешкой внимательно наблюдает за моими действиями и наполняет стопку водкой. Поднимает стопку на уровень глаз и произносит:

– За знакомство!

Повторил его движение и, кивнув, выпил сок. Сразу приступаем к ужину. Утолив первый голод, Ксенофонов поинтересовался, глядя на мои руки:

– Ты написал письмо Григорию Васильевичу?

Положив вилку на край тарелки, смотрю на него и думаю: «С какой целью он интересуется? В какой степени информирован? Доверяет ли ему Романов?» Наливаю себе еще сока, выигрывая время для ответа.

– Вы меня пригласили на встречу. Зачем? – спрашиваю, не отвечая на его вопрос.

Некоторое время меряемся взглядами. Петр Петрович начинает в раздражении играть желваками. Поняв, что переглядывание ни к чему хорошему не приведет, первым отвожу взгляд и склоняюсь над тарелками.

Наконец он принимает какое-то решение и сообщает

– Он с тобой хочет встретиться и просил меня организовать вашу встречу.

– Я тоже этого хочу, – признаюсь. – Могу я вам задавать вопросы? – интересуюсь, глядя исподлобья и отметив его реакцию на мой первый вопрос.

– Конечно, – удивляется, – что тебя интересует?

– Это вы приезжали в наш город? – спрашиваю, внимательно глядя на собеседника. Ксенофонтов чуть заметно смутился, вильнув взглядом и дернув краем рта.

– Должны же мы были понять, с кем имеем дело? Кто настолько оказался информирован о преступнике и откуда? – оправдывается. – Было мнение тебя поощрить за помощь, однако вижу, что ты не хочешь быть откровенным, – упрекает и смотрит испытующе.

Разговор начал меня утомлять. «Не пора ли откланиваться?» – возникает мысль.

– Петр Петрович. Вы доверенное лицо Григория Васильевича, раз знаете о письме, маньяке и ездили по его поручению на мою родину? Работаете вместе в Обкоме? – пытаюсь понять роль Ксенофонтова.

– Доверенное лицо? – переспрашивает, – пожалуй, – соглашается и кивает с улыбкой. – Мы хорошие знакомые еще с войны, а работаю я на заводе, – информирует.

– Вы меня упрекаете в скрытности, а сами...? – обличаю. – Мне сообщили, что вы из органов.

– Однако! – удивляется. – Кто сообщил? – спрашивает вкрадчиво, наклоняясь вперед.

– У меня много знакомых, – отвечаю уклончиво.

– Догадываюсь. От твоего блатного окружения? – пытается угадать и ждет подтверждения от меня.

– В моем окружении такие же люди, как и везде. Даже может более простые и честные, чем здесь, – отвечаю грубовато.

Меня почему-то задело такое пренебрежение к моим друзьям и знакомым.

– Жил бы я среди цветов, то пах цветами, но жить в грязи и не испачкаться...? – философствую. – Поощрение мне не нужно. Организуйте нашу встречу с Григорием Васильевичем, а после встречи с ним я уеду, и буду жить, как жил спокойно у себя в городе. Там грязнее, но чище, чем здесь, – сообщаю раздраженно.

– Извини, если тебя обидел, – отвечает спокойно, будто, не заметив моего раздражения. – Я не предусмотрел того, что в маленьком городе трудно что-то утаить. Все про всех там знают, – оправдывается. – Вот и я узнал, что ты с ребятами собираешь и торгуешь иконами. Тут до статьи недалеко, – угрожает.

– Ребята, да, занимались, – признаю, – но после того, как наша милиция стала таскать на допросы подростков из поселка по краже, то эта деятельность прекращена, насколько знаю, – сообщаю спокойно. – А я вообще к этому делу не имею отношения, да и некогда этим заниматься, – решительно отметаю подозрения.

– Откуда же все эти вещи на тебе? Импортные, недешевые, – пытается уличить. – Наверное, долю имеешь с икон?

– Вы знаете наверняка, что я пишу песни, – испытующе смотрю на оперативника.

Дожидаюсь кивка и признаюсь:

– Несколько песен я продал профессиональным исполнителям.

– Неофициально, – цепляется.

– Неофициально, – соглашаюсь. – Я бы рад зарегистрировать песни официально, но никто на это не идет. В ВААП не пробиться мне, как никому не известному автору. Никто не решается брать на себя ответственность, несмотря на хорошие песни, которые нравятся людям, – разъясняю положение дел.

– Ушлый ты парень! – отметил непонятно – хвалит или осуждает.

Вижу, что я Ксенофонтова удивил. Тот встал, подошел к окну и закурил в форточку. Глядя задумчиво в окно, заговорил:

– Григорий Васильевич человек занятой. Не сразу сможет выбрать время для встречи, потому возможно тебе придется задержаться в Ленинграде на какое-то время.

Поворачивается ко мне и спрашивает:

– Тебе сколько времени нужно на встречу?

– Не от меня будет зависеть. От десяти минут до нескольких часов, – уменьшаю срок.

– Ты где остановился? – возвращается к началу разговора. – Мне нужно будет знать, чтобы оповестить тебя заранее, – поясняет причину интереса.

– У меня несколько знакомых в Ленинграде. Я не могу точно знать, у кого буду ночевать. К тому же не у всех есть домашние телефоны, – лукавлю. – Лучше буду звонить вам в определенное время, – предлагаю свой вариант для связи.

– Мы подумаем, – ответил неопределенно. – Почему не хочешь поощрения от властей Ленинграда? Глядя на это власти твоего города, возможно, улучшат жилищные условия твоей семьи или сделают это по ходатайству из Ленинграда, – интересуется.

Понимаю, что внеочередное выделение квартиры родителям – инициатива наших властей. Узнали про интерес ленинградцев ко мне и подсуетились. Видимо Ксенофонтов ничего негативного, в том числе о подозрениях о моем участии в иконном бизнесе нашим властям не сообщил. Руководители моего города испугались, что где-то в другом городе узнают о «герое», который живет в ужасающих условиях, а заодно выплывет, что так живет большинство жителей города! А в Ленинграде своя пресса, которой наплевать на проблемы нашего руководства!..

– Не надо мне сомнительной славы, – отмахнулся. – Квартиру нам уже выделили вне очереди. Родители уже пакуют вещи, – улыбаюсь. – Видимо, ваш интерес ко мне напугал наши городские власти, – предположил. – Слава и популярность от меня никуда не уйдет. Мои песни нравятся людям. Надеюсь на помощь в их регистрации местных властей, – сообщил о своих ожиданиях.

– Не знаю, получится ли у тебя... – тянет, глядя на меня с интересом. – Я не в курсе этой музыкальной кухни, – признается. – Значит, ты хочешь об этом поговорить с Романовым? – предполагает.

– И об этом тоже, – соглашаюсь.

– Откуда узнал про маньяка, не скажешь? – поинтересовался.

– Скажу Григорию Васильевичу, – признаюсь. – Если он сочтет нужным, то сообщит вам, – добавляю.

– Настолько все серьезно? – сверлит меня взглядом.

В ответ только пожимаю плечами – не мне решать.

– Ты почему не доел? – обратил внимание на мою наполовину пустую тарелку. – Не вкусно?

– В нашей заводской столовой готовят вкуснее, – отвечаю уклончиво.

– Признаю, – смеется, – обедал у вас в столовой автохозяйства, – поясняет.

«Там-то что он делал? Где я, и где автохозяйство?» – удивляюсь мысленно.

– Давай тогда чай пить. У меня есть настоящий – индийский. Или тебе кофе? – предлагает.

– Кофе, если можно, – соглашаюсь, надеюсь, что и кофе у него импортный.

«Кем же он работает на заводе?» – мучает вопрос. Судя по обеспечению дефицитом, Петр Петрович не из простых работяг, а по возрасту – сейчас вероятно на пенсии от органов. Работает, скорее всего, начальником в охране предприятия или в Первом отделе, если завод выпускает оборонную продукцию.

Кофе, как и мечтал, оказался импортным – «Пеле» в стеклянной банке. Когда хозяин залил кипятком ложку порошка, по кухне поплыл божественный, давно забытый аромат. Для себя он священнодействовал с заварным чайником, заваривая чай.

Вдохнул, наслаждаясь пар от чашки, и отхлебнул любимого напитка. Невероятно! Вкус кофе «Пеле» мне показался другим, более насыщенным, чем тот, который пробовал в будущем. Тогда этот сорт я игнорировал, так как мне казалось, что в напитке присутствует привкус компота. «Может сейчас импортируют в СССР более качественный сорт?» – предположил про себя.

Неожиданно наткнулся на внимательный взгляд Ксенофонтова. Внутренне подобрался. «Не расслабляйся!» – приказал мысленно себе. Мое изучение не прекращается. К каким выводам приведет извращенный мозг оперативника? Разговор у нас явно не сложился. Вдруг признают меня трудноуправляемым, скрытным, вынашивающим собственные непонятные цели, а поэтому опасным. От таких стараются избавляться или, как минимум не связываться.

Оторвался от чашки и признался добродушно улыбнувшись:

– Хороший кофе, спасибо!

– Откуда ты можешь знать, что хороший? Родителям на работе выдают? – в хозяине вновь проснулся оперативник.

– Чтобы понять, что «Ленинградское» мороженое лучше «Томатного», не требуется быть гурманом и обладать изысканным вкусом, – отвечаю равнодушно. – Хороший кофе пробовал у знакомых в гостях, – намекаю, что не только Ксенофонтов может получать дефицитные импортные продукты на работе.

Постепенно наша беседа выровнялась. Петр Петрович перестал сверлить меня подозрительным взглядом. Рассказал о впечатлениях, полученных в моем городе, нашем общем знакомом – участковом, о различных случаях из своей оперативной практики. Оказывается, Ксенофонтов замечательный рассказчик с тонким чувством юмора. Порой я искренне смеялся. При этом старался не расслабляться, потому что в его рассказы вкраплялись невинные вопросы или предложения, требующие ответов или выражения моего отношения. Изучение продолжалось, только более тонкими методами.

Выбрав подходящий момент, я решил откланяться. Попросив обождать, хозяин принес из комнаты листок с его телефонами – двумя рабочими и домашним. «Все-таки – начальник», – утвердился мысленно. Ксенофонтов попросил звонить ежедневно утром на работу и вечером домой, а в случае непредвиденных ситуаций – немедленно в любое время.

По дороге домой (к тете Свете) вспоминал и анализировал беседу с Ксенофонтовым. Я ощущал исходящую от него опасность, но при этом мне казалось, что профессионал мог бы построить предварительную беседу более тонко, а не давить возрастом и авторитетом, не угрожать и не намекать на всезнание обо мне. На его месте я бы постарался обаять нового знакомого, вызвать доверие и подружиться.

Тетя Света, хлопоча на кухне, поинтересовалась моими делами. Упрекнула за исправный кухонный кран, отсутствие привычного рыка из сливного бачка и пригласила к ужину. Пришлось составить ей компанию, так как без меня она не садилась к столу. Хотя я был не голоден, но ее ужин показался вкуснее, чем холостяцкий у Ксенофонтова. Все-таки исправная сантехника ее обрадовала, и она, не выдержав, искренне поблагодарила меня за участие, признавшись, что не любит общаться с грубыми и наглыми слесарями и сантехниками. Почему я не удивлен?

Я наслаждался сытостью и покоем. Не надо было напрягаться, обдумывать и следить за словами, опасаясь сказать лишнее или выдать себя движением, взглядом или интонацией.

Признался тете, что привык по утрам бегать и заниматься на спортивных снарядах. Поинтересовался наличием близлежащих спортивных сооружений. Немного подумав, она сообщила, что в глубине их квартала через несколько домов есть какая-то спортивная площадка. С доброй улыбкой констатировала:

– Ты у нас еще и спортсмен?

Отступление. Ксенофонтов.

Петр Петрович заварил себе свежего чая, закурил любимые Родопи и стал размышлять, о чем будет докладывать Романову на основании своего разговора с гостем. Он был недоволен, в первую очередь собой. Ведь знал по результатам поездки, что гость не совсем обычный подросток, однако все равно недооценил его. Не подготовился заранее и не продумал разговор.

Сейчас, вспоминая встречу, жалел, что у него не оказалось диктофона, хотя на работе было несколько импортных неплохих современных устройств. Их использовали при ведении многочасовых и многодневных переговоров. Прослушивая состоявшиеся переговоры и кулуарные беседы, скрытые магнитофонные записи оказывали неоценимую помощь в планировании и подготовке к следующим этапам и раундам переговоров. Позволяли точнее перевести слова и выражения, уловить интонацию, вспомнить нюансы бесед.

Вот и сейчас для более полного анализа и оценки Соловьева Ксенофонтову не хватало привычной техники. Одно знал точно – первую беседу при знакомстве он, опытный оперативник провалил. Из-за этого понимания ему было стыдно.

Его смутили и расслабили молодость и несерьезный внешний вид школьника. Вместо того чтобы подружиться и войти в доверие Ксенофонтов стал выяснять какие-то мелочи, ловить на противоречиях. Этим, похоже, насторожил собеседника и настроил против себя. Теперь в дальнейшем с ним будет сложнее общаться.

Закурив следующую сигарету и отхлебывая чай, оперативник успокоил себя придя к выводу, что подросток явно что-то скрывает и заранее не был готов откровенничать с ним. Даже в завуалированной форме отказался сообщить о своих местах жительства и знакомых в Ленинграде. Соловьев уверен в себе, твердо знал, чего хочет и был к встрече заранее подготовлен в отличие от него.

Основная задача Ксенофонтова была вызвать Соловьева в Ленинград и организовать встречу с Романовым. Подросток нацелен на встречу, поэтому никуда не денется. Сделав правильные выводы, нужно будет в дальнейшем не повторить прошлых ошибок и готовиться более тщательно, поэтому еще не все потеряно. «Что же тот скрывает? Чего он хочет сообщить Романову?» – мучили вопросы.

Парнишка всерьез заинтересовал Петра Петровича. Он уже не мог воспринимать сегодняшнего гостя, как подростка. Уж слишком не увязывался в сознании внешний облик того с целеустремленностью, твердостью, поведением и мышлением.

Допив остывший чай и затушив сигарету, мужчина решительно поднялся и, захватив записную книжку, направился к телефону. По прямому городскому, не числящемуся ни в одном справочнике трубку никто не снимал. Позвонив дежурному помощнику, сообщил о себе и попросил сообщить Григорию Васильевичу о своем звонке.

Поздно вечером прозвенел телефонный звонок.

– Алло, – произнес в трубку Ксенофонтов.

– Приветствую, Петр Петрович! Мне передали, что ты мне звонил, – послышался усталый голос Романова.

– Добрый вечер Григорий Васильевич! Мне доставили обещанное вино из провинции. Хотелось бы, чтобы ты оценил его, но, наверное, сегодня уже поздно?..

– Буду. Это интересно, – услышал в ответ и в трубке послышались гудки.

Отступление. Ксенофонтов и Романов.

Вновь двое мужчин расположились за журнальным столиком. На столе стояла сегодняшняя недопитая бутылка водки, немудреная закуска и пара рюмок. Романов выглядел утомленным. Перед старым знакомым он не считал нужным скрывать свою усталость, изображая бодрость и активность. С удовольствием опрокинул рюмку, чокнувшись с хозяином, и вопросительно посмотрел на него.

Петр Петрович поднялся, отошел к форточке, закурил и начал:

– Соловьев сегодня приехал сам без предупреждения, как я и предполагал. Был у меня. Чего-то знает, скрывает и опасается. Готов сообщить только тебе. Даже не сказал, где и у кого проживает. Договорились, что будет мне звонить дважды в день. Скрытен. Внутренне напряжен. Желает после беседы с тобой вернуться в свой город. От поощрения отказывается. Местные власти вне очереди уже выделили его семье квартиру.

– Вот перестраховщики! – выразил свое мнение Романов, прервав хозяина, – продолжай, пожалуйста, – предложил.

– Сообщил, что пишет песни и надеется на помощь в их регистрации, – сообщил Ксенофонтов.

Романов поморщился, так как неодобрительно относился к эстраде и ее деятелям.

– Если будешь назначать встречу, то рекомендую записать ее на диктофон или скрытый магнитофон. Вдруг сообщит действительно чего-то стоящее, чтобы потом поразмыслить и ничего не упустить. Встретиться можете здесь. Я могу уйти на время, чтобы его не смущать. Если Соловьев тебя заинтересует, то надо бы выяснить все о нем и его контактах здесь в городе. Топтунов за ним послать не могу, не заинтересовав своих кураторов. Только если самому вспоминать молодость, – выразил свое мнение, предложил рекомендации старый оперативник и замолчал, глядя на задумавшегося собеседника.

– Какое твое мнение и впечатление о нем? – пошевелился гость.

Теперь задумался Ксенофонтов и медленно начал:

– Его молодость и внешний вид не соответствуют внутреннему содержанию. Видишь перед собой подростка, а разговариваешь с взрослым, опытным, имеющим собственное мнение и твердые убеждения человеком. Скрытен. Все у него продумано и распланировано. Вообще не похож на провинциала. Чего-то боится. Имеет чувство юмора. Постоянно собран и напряжен. Ведет себя с чувством собственного достоинства, но проявляет уважение к возрасту. Занятный парень. Необычный.

– Еще, что можешь отметить? Чем вы занимались? – поинтересовался Григорий Васильевич.

– Ужинали. Ведет за столом культурно. Категорически отказался от спиртного, даже от сухого вина. Разносолы мои ему не понравились. Котлеты из нашей «Кулинарии». Хотя сомневаюсь, что у себя в провинции он привык к деликатесам. Вот настоящий кофе оценил и не скрывал своего удовольствия, что тоже непонятно. Где он мог его полюбить? – поделился Ксенофонтов.

Помолчали.

– Необычный. Занятный, – задумчиво повторил Романов, – Встретиться, конечно, надо.... Вот только где и когда? ... – размышляет вслух. – Встречусь у тебя. Послушаю, что он мне сообщит. Завтра я или мой помощник позвоним тебе и сообщим о времени. Я не помню своего расписания на завтра. Ты подготовь эту комнату к нашему разговору. Не хочу я связываться с диктофонами, – принимает решение.

Ксенофонов мысленно поморщился: «Не положено использовать спецтехнику в личных целях и выносить за территорию предприятия», но разве когда-то соблюдали в Советском Союзе все правила, инструкции и законы. Главное и единственное правило – не попадайся!

Ленинградское утро.

Утром встал по своему будильнику, еще лагерному и побежал на зарядку. Маршрут выбрал вокруг внутреннего периметра квартала вдоль домов. Квартал оказался не маленьким. Сделав круг, удивляя дворников и многочисленных прохожих, свернул к центру. Все пространство квартала было заполнено пятиэтажками, образующими квадраты внутренних дворов, засаженными молодыми кустами и деревьями с пересекающимися асфальтированными дорожками и проездами. В центре, недалеко от школы и детского сада располагался хоккейный корт, баскетбольная (она же волейбольная) площадка, небольшое футбольное поле для мини футбола, а с краю этого спорткомплекса были вкопаны турники, брусья из металлических труб и гимнастическая стенка. Стал выполнять свой привычный комплекс упражнений. «Народ здесь встает раньше, чем у нас!» – мысленно отметил. Вероятно, людям дольше добираться до работы. Надо самому раньше вставать или перестать смущаться любопытства прохожих.

Чувствуя приятную усталость, радостно взлетел на площадку седьмого этажа к тетиной квартире. Хозяйка уже позавтракала и торопилась на работу в свое какое-то Научно-Производственное объединение, где, как и мама работала в конструкторском отделе.

– Завтрак на плите. Чайник подогреешь. Кофе знаешь, где взять. Спортивную форму брось в таз, вечером приду, стираю. До утра надеюсь, высохнет. Ты ведь каждое утро собираешься бегать? – дает последние инструкции с каким-то удовлетворением из прихожей.

– Каждое. Только стирать не надо. Я сам стираю через пару дней, – отзываюсь.

Тетя, хмыкнув, попрощалась и выскочила за дверь.

«Какое блаженство после физической нагрузки стоять под теплыми струями душа!» – восторженно отмечаю.

За завтраком планирую добежать до станции метро, позвонить Ксенофонтову и закупить в киоске свежей прессы. Меня опередил телефонный звонок слесаря-универсала-коммерсанта Вадима. Он готов был прибыть ко мне с образцами импортной сантехники и электрики. «Совсем из головы вылетело. Надо было тетю Свету предупредить о нашей с Вадимом договоренности. Может она откажется или захочет что-то другое!» – мысленно ругаю себя.

Договариваемся о встрече через пятнадцать минут. «Все же кран на кухне стоит поменять без согласия хозяйки. Уж больно у него вид неприглядный», – решаю самостоятельно.

Вадим притащил несколько вариантов кранов для кухни и смесителей для ванн. Поинтересовался заменой мойки и раковины. «Во, аппетиты растут у парня!» – мысленно удивляюсь. Такие вопросы без хозяйки решать нельзя соглашаемся оба и договариваемся о встрече на завтра. «Надо будет подготовиться к вечернему разговору с тетей Светой. Как бы убедить ее не отказываться от апгрейда сантехники за мой счет!» – задумываюсь.

Ксенофонтову позвонил с уличного таксофона. Услышав его голос, представился.

– Здравствуй дорогой. Долго спишь, долгожданный гость, – пожурил меня.

Специально взглянул на часы перед выходом из квартиры. Было начало десятого утра. «Чем недоволен?» – удивляюсь с раздражением.

– Долго ждать тебе не придется. (Рад до уср...чки!) Сегодня тебя хотят видеть у меня на квартире. (На квартире?) Готовься. (К чему?) В какое время я не знаю, – информирует. – В каком ты районе? Сколько приблизительно тебе добираться до меня? – интересуется. (Опять неистребимое любопытство оперативника!)

– У вас на квартире? – удивляюсь.

«Ведь просил в письме встретиться вне помещения! Вероятно, сами хотят разговор записать или не понимают важности и смертельной опасности от моей информации!» – предполагаю.

– У меня. Что тебя не устраивает? – подтверждает удивленно.

– У вас, так у вас. Тридцать-сорок минут мне ехать до вашего дома, – отвечаю. «Хрен тебе, а не район!» – добавляю про себя.

– Звони мне каждый час на квартиру, пока не сообщу время встречи, – дает указание.

«Значит на квартиру? А ты там будешь вместо работы жучки распахивать или хлебные котлеты жарить?» – иронизирую про себя.

– Понял, – подтверждаю и вешаю трубку.

Подготовка к встрече.

Сокрушаюсь, что придется каждый час бегать сюда, а в перерывах тезисно набрасывать на бумагу то, что хотел сообщить Романову на словах. На квартире нельзя произносить вслух эту информацию. Пусть читает мои каракули и осмысливает. Должен же он понять, что мои сведения не для лишних ушей. В киоске купил газеты и блокнот с пружиной вместо переплета с отрывными листами и поспешил «домой».

С блокнотом расположился по привычке на кухне и задумался: «С чего начать?» Для стимулирования мыслительного процесса сунул в рот еще новую ручку.

«Григорий Васильевич! По неизвестной мне причине ко мне в голову поступают сведения из будущего. Механизма этого феномена не знаю и не понимаю, хотя кое-какие мысли об этом есть. Вы должны понимать, что эти сведения смертельно опасны для меня и моих близких, поэтому я просил организовать встречу в месте, где нас невозможно записать или прослушать посторонним, даже в настоящее время доверенным вам людям. Эту встречу предлагаю провести при помощи переписки. Рассчитываю на ваше понимание и надеюсь, что мои записи будут уничтожены, чтобы исключить возможность попадания их в чужие руки и выявление меня, как источника информации.»

Сведения, которыми я располагаю в данный момент не полные. Я не вижу всей картины будущего и подробностей. Знаю о ключевых событиях, но могу ошибиться или быть не точным в датах, именах и названиях. Эта информация поступает не зависимо от моего желания или «запроса». Бывает, просто всплывает в голове при упоминании фамилии, названия объекта или страны.

Подвергаться гипнозу или попыткам медикаментозного воздействия на мой мозг или организм не хочу, поэтому что считаю это бесполезным и вредным – мои способности пропадут. Кроме этого, в таком случае, создаются предпосылки к утечке информации, а я предпочитаю оставаться неизвестным для всех, кроме вас. Конечно теперь, когда я вам открылся, от меня многое не зависит, но хотелось бы сотрудничать с вами на добровольной основе. В таком качестве я принесу вам большие пользы.

У меня нет никаких корыстных замыслов. Хочу только не допустить катаклизмов и бед, которые ждут мою страну в ближайшем будущем. Считаю, что ваша энергия, мировоззрение, порядочность, преданность партийным идеалам способны предотвратить это. Надеюсь, что мои возможности помогут вам в этом».

Перечитываю получившиеся вступление. Кое-что переписываю, поправляю и вырываю лист. Переписываю заново, стараясь писать разборчиво. Все, пора к метро звонить Ксенофонову.

После возвращения сажусь над новым пакетом информации.

«События в стране в ближайшие годы:

Осенью умрет(?) Мазуров.

В декабре следующего года наши войска войдут в Афганистан по инициативе нескольких членов Политбюро – Андропова, Громыко, Устинова и Суслова, а Брежнев с ними согласится. При поддержке западных стран в этой стране будет развязана десятилетняя война (Вьетнам для СССР), потребовавшая от нас колоссальных ресурсов. Погибнет около пятнадцати тысяч наших солдат и офицеров.

Множество стран объявят бойкот Олимпиаде в Москве и экономическую блокаду стране.

В 1980 году в автокатастрофе погибнет Машеров(?).

Потом последует череда смертей высших руководителей страны. Косыгин. Суслов, Кириленко и Брежнев (1982 год). Пельше. Андропов и Устинов (1984 год).

В начале восьмидесятых годов мы ввяжемся в гонку вооружений в ответ на программу Стратегической Оборонной Инициативой (СОИ), развернутую США и ее союзниками. Наши ученые предполагали, что это стратегический обман (блеф, вынуждающий нас на дополнительный расход немногочисленных ресурсов), но их не послушают наши руководители. В результате вышеперечисленных событий наша экономика не выдержит. Последующие вредные или преступные действия нашего руководства только ухудшат ситуацию в экономике.

В стране будет введен непродуманный «сухой закон», проделавший огромную дыру в бюджете. В 1986 году взорвется Чернобыльская АЭС, что тоже послужит многим экономическим, политическим и репутационным потерям для страны.

США, чтобы добить экономику нашей страны договорятся с нефтяными странами ОПЕК о значительном снижении цены на нефть и нефтепродукты.

Из-за этого мы не сможем покупать многие продукты и товары за рубежом. В результате наша экономика не выдержит и рухнет. Страна и так задыхается от дефицита продуктов питания, товаров народного потребления, современных станков и технологий, электроники. В восьмидесятые годы уже многие товары и продукты первой необходимости будут продаваться по талонам. После падения цен на нефть станет еще хуже. Большинство населения будет озлоблено и настроено против руководства страны.

В 1987-1988 году мы выведем войска из Афганистана, не добившись ничего. Наоборот, в странах Ближнего Востока усилится радикальный исламизм, объявивший себя победителем и почувствовавший свою силу.

На национальных окраинах СССР и во многих автономных республиках распространятся националистические течения. Начнется резня по национальному признаку. Многие русскоязычные граждане вынуждены будут бежать из-за многочисленных межэтнических конфликтов, бросив все. Их будут убивать, насиловать и грабить. Прибалтика объявит о выходе из СССР. За ней последуют другие республики. В 1991 году СССР прекратит свое существование, после объявления суверенитета большинством Союзных республик, в том числе РСФСР».

Все пора бежать звонить. Основное вроде успел написать. Остаются частности и блок о самом Романове.

После возвращения вновь грызу ручку.

«Роль руководителей страны:

После смерти Брежнева Генеральным секретарем станет Андропов. Он начнет укрепление дисциплины в стране. При нем будут сняты со своих постов многие секретари ЦК и первые секретари Обкомов, а на их места придут новые руководители. Среди них окажутся некоторые могильщики СССР – Горбачев, Шеварднадзе, Рыжков, Яковлев. По некоторым данным при нем будет задумана глобальная перестройка экономики. Народ стремление к наведению порядка воспримет в целом положительно. По предложению Андропова вы будете введены в Секретариат ЦК и будете курировать оборонную промышленность. Однако Андропов из-за болезни будет руководить страной недолго.

После его смерти на пост Генерального Секретаря будет избран смертельно больной Черненко. Период его руководства ничем не отмечен, хотя многие номенклатурные работники надеялись возврата к временам Брежнева.

В 1985 году в результате кулуарных договоренностей и внутривластных борьбы на пост Генерального секретаря будет избран ваш соперник Горбачев. Вы в это время будете находиться на отдыхе в Прибалтике, и вас вроде не оповестят о заседании Политбюро и вне-

очередном Пленуме ЦК для выбора Генерального Секретаря. Также не оповестят Щербицкого и Кунаева, ваших потенциальных или реальных союзников. Сразу после назначения Горбачев предложит вам написать заявление о выходе на пенсию по состоянию здоровья и вы, согласитесь.

Горбачев будет последним Генеральным секретарем КПСС, первым и единственным Президентом СССР. Потом его тоже заставят уйти после развала СССР. За период его руководства экономика страны окончательно рухнет.

После провозглашения руководством страны политики невмешательства во внутренние дела других стран в странах социалистического лагеря начнется массовое свержение коммунистических режимов и социалистический блок перестанет существовать. Другие страны, оставшиеся верными принципам социализма, окажутся брошенными и преданными.

Зато после добровольной сдачи всех наших позиций за рубежом популярность Горбачева на Западе, в отличие от населения своей страны станет невероятной. В США он будет популярнее их действующего Президента и других политиков. После скоропалительного решения о выводе войск из стран Варшавского Договора и объединения Германии, там он будет признан «Немцем года». Маргарет Тэтчер после беседы с ним признает Горбачева «своим парнем». КПСС будет распущена. Коммунисты других стран будут брошены и преданы, а многие окажутся под судом. Мы оставим свои базы на Кубе и во Вьетнаме. Потеряем все политические позиции в мире. По просьбе США и по инициативе Горбачева мы сократим свой ядерный потенциал, прекратим разработки нового оружия, а многие ракеты, подводные лодки и корабли порежем. Даже отдадим безвозмездно США значительную территорию акватории Берингового моря, богатую рыбой и морепродуктами.

В целом страна понесет людские и экономические потери большие, чем во время Великой Отечественной войны.

В девяностые годы станет для всех еще хуже. Но эта уже другая тема.

Последствия этих событий мы не преодолеем за десятилетия.

Дату вашей смерти называть не буду, если сами не спросите. Скажу одно – вы будете свидетелем всего этого».

Перечитываю, вношу исправления и дополнения и переписываю заново. Черновики вырываю и уничтожаю, порвав и смыв в унитаз.

Снова мчусь к телефону-автомату. Наконец Ксенофонтов назначает мне время встречи – семнадцать часов. Мне следует прибыть на час раньше. Подняться на лифте до верхнего этажа, а затем спуститься пешком до квартиры Ксенофонтова. Если я встречу на лестнице подозрительных людей, то, не задерживаясь, спускаюсь до выхода и ухожу. Потом надо будет сообщить по телефону о причине. В этом случае встреча сегодня не состоится.

Получив подобный инструктаж, задумался о сохранении моих записей. Если Ксенофонтов опасается постороннего внимания, то стоит сотрудникам органов обыскать меня и все мои опасения станут реальностью. Также меня может захотеть обыскать сам Ксенофонтов. Мне с ним драться и вырубать? Не дело, но без записей мне там нечего делать, так как вслух озвучивать свою информацию не собираюсь. Куда же деть блокнот? Надежных тайников в подъезде чужого дома не найти или не смогу найти за короткое время. Вырвать исписанные листы и спрятать на теле? Для опытных сыскарей найти не проблема. Неужели придется идти с чистым блокнотом и на месте писать заново? А если пойти не на час раньше, а сейчас и поискать место для тайника? Решено. Собираюсь.

Как Ксенофонтов и рекомендовал – поднимаюсь на лифте до последнего этажа, затем спускаюсь пешком, внимательно приглядываясь к местам возможных тайников. Оказалось, подходящих мест немало, начиная с урны у входа, почтовых ящиков на первом этаже, детских колясок, батарей отопления за решеткой и велосипедов на лестничных площадках. Во многих

почтовых ящиках виднелись не изъятые газеты. Ящики взламывались элементарно. Почты в ящике под номером квартиры Ксенофонтова не было. «Прикольно будет спрятать секретные сведения в почтовый ящик Петра Петровича!» – веселье от нервов. Блок почтовых ящиков снизу отрывался от стены при небольшом усилии. Блокнот не пролезет, а свернутые листы запросто. А если их на всякий случай прилепить пластилином то, не зная никогда не догадаться про этот тайник, а до камер наблюдения на лестничных площадках еще мы не доросли.

Сбегав в ближайший универмаг, купил пачку пластилина и спрятал свернутые втрое листы за ящиками. Вскрытую коробку с пластилином выбросил в мусоропровод другого подъезда. Пусть я перестраховываюсь, но зато спокоен.

Романов.

В назначенный час звоню в квартиру Ксенофонтова. Я выполнил все рекомендации оперативника и никого подозрительного не встретил. Со мной была только неизменная сумка с чистым блокнотом. На всякий случай вырвал и уничтожил несколько следующих чистых листов, следующими за исписанными.

Ксенофонтов все же обыскал меня и осмотрел сумку, извинившись и объяснив ответственностью за безопасность Члена Политбюро. В блокнот не заглядывал и ощупывал меня формально, не пытаясь выявить спрятанные записи на теле. «По-видимому, он не подумал о передаче информации в письменном виде», – предполагаю.

Сидим на кухне и, убивая время за кофе и чаем треплемся о последних событиях в мире по сообщениям газет. Про себя сокрушаюсь, что сегодня так и не почитал прессу, как планировал из-за нарушенных планов. Зато внимательно слушаю собеседника. Чувствую, что внутренние часы отсчитывают последние минуты до времени «Ч» и ощущаю нарастающее внутреннее напряжение. Даже потряхивать начинает.

Ксенофонтов заметил мое состояние и попытался успокоить, но при этом вижу скрытую насмешку в глазах.

Наконец в прихожей хлопнула дверь. Петр Петрович извинившись, вышел. В прихожей, а затем в комнате забубнили голоса.

– Пойдем Сергей, представлю вас, – пригласил хозяин.

«Запустил записывающую аппаратуру сейчас или она уже крутится?» – возникает вопрос.

В комнате находился невысокий круглолицый человек, знакомый по многочисленным фотографиям. Только в отличие от ретушированных фото вижу лицо пожилого человека с многочисленными мелкими морщинками. Он тоже с интересом внимательно разглядывает меня. «Маленькие люди амбициозны и в истории оставили заметный след!» – появилась мысль. Наполеон, Сталин, Гитлер, Ленин – все были маленького роста. Сможет ли Романов войти в историю, как крупный исторический деятель?

Хозяин сбоку с любопытством наблюдает за нами и начинает:

– Григорий Васильевич ...

– Не стоит Петр Петрович знакомить нас, – прерывает Романов с улыбкой, – думаю, что мы друг друга уже знаем. – Здравствуй Сережа! Вот значит ты какой? – непонятно заявляет и протягивает руку.

Обмениваемся рукопожатием. «Рука теплая, небольшая, мягкая, но рукопожатие уверенное!» – отметил про себя.

– Здравствуйте Григорий Васильевич! Рад нашей встрече, – отозвался искренне.

Напряжение и волнение куда-то ушло. Чувствую себя спокойно и уверенно.

– Давай присядем, – пригласил, взмахнув рукой в сторону журнального столика.

На столе какой-то пакет. Ксенофонтов подошел тоже и начал распаковывать его. На столе появляются бутылка коньяка, бутылки лимонада «Буратино» и «Байкал». Печенье, пирожные, ветчина, лимон и несколько яблок.

– Спасибо Петр Петрович. Нам бы приборы, а дальше мы сами разберемся, – предложил Романов.

Хозяин квартиры кивнул и принес на стол ножи, вилки, стопку (одну), высокие тонкостенные стаканы и открывалку. Дождался кивка «высокого» гостя и сообщил:

– Пойду, схожу по делам. Может еще чего принести? – интересуется.

– Нет, спасибо, – отказался Григорий Васильевич. – Мы ведь только поговорить собирались часок, – намекнул на продолжительность встречи.

Ксенофонов удовлетворенно кивает и уходит. Романов вопросительно смотрит на меня, а я прислушиваюсь в ожидании – когда хлопнут на площадке двери лифта.

– Сережа, ты сам хотел нашей встречи. У меня не так много времени. Не скрою, ты меня заинтересовал. Слушаю тебя, – поторапливает меня.

– Простите Григорий Васильевич, но мне надо отлучиться, буквально на минуту, – заявляю и поднимаюсь с кресла.

Вижу удивление на лице Романова и тень недовольства. Некоторое время он смотрит на меня с раздражением, но потом неохотно кивает. «Вероятно, решил, что меня пропонуло от близкой встречи с небожителем?» – в голове возникает предположение.

Быстро выметаюсь из квартиры и, не задерживаясь возле лифта, слетаю по лестнице на первый этаж. Оглядываюсь – чисто. Выхватываю из-под почтовых ящиков листки и так же бегом, перескакивая через ступеньки, взлетаю на нужный этаж. «Хорошо иметь молодое тренированное тело. Даже дыхание не сбил!» – отмечаю с удовлетворением. В прихожей из своей сумки достаю блокнот с ручкой и прохожу в комнату.

Романов уже вскрыл бутылку с коньяком, налил в стопку и резал лимон. Не присаживаясь, разворачиваю блокнотные листы и протягиваю первый, немного мятый листок с моим вступлением:

– Григорий Васильевич, ознакомьтесь, пожалуйста, с этим.

Он удивленно взглянул на меня, возвышающегося над ним, барственно махнул рукой в сторону кресла и взял листок. Близоруко прищурился, отставив лист подальше, недовольно поморщился и достал из внутреннего кармана футляр с очками. Неторопливо надел очки в тонкой, золотистого цвета оправе, и отвернувшись немного к окну начал читать, разбирая мои каракули.

Вначале скептическое и недовольное выражение его лица изменилось сначала на удивленное, а потом на ошарашенное. Хмыкнув, он оторвался от чтения и посмотрел задумчиво на меня. Затем снова вернулся к чтению. Дочитав до конца, задумался глядя в стол и снова вернулся к началу текста. Перечитав сообщение еще раз шумно выдохнул. Медленно поднял глаза и уставился на меня тяжелым взглядом, почти не мигая. Наконец, придя к какому-то решению, протянул руку в сторону других листков. Выбрал и протянул ему листки со следующим блоком информации.

Эту информацию Романов читал еще медленнее, иногда возвращаясь к прочитанному. Порой задумывался, отрываясь от чтения. «Вспоминает или сравнивает», – предполагаю.

Задумчиво Григорий Васильевич протянул руку за следующими листами и вновь углубился в чтение. Этот блок у него вызвал другие эмоции. Он морщился, играл желваками и неоднократно грязно выругался. Не дочитав, брезгливо отбросил листки. «Провал!» – запаниковал я.

– Не верю! Ничему не верю! Чего ты добиваешься? – зло спрашивает. – Фантазер! – брезгливо бросает мне обвинение.

Пожимаю плечами, а у самого в панике в голове бьются мысли. Если сейчас встать и уйти, то есть возможность скрыться. Вырубить Романова, чтобы он не поднял тревогу. Окна квартиры выходят на проспект, а охрана у подъезда с другой стороны дома. Я успею проскочить. Из Ленинграда придется срочно сваливать. Домой нельзя. Придется к Таньке в деревню! А школа? Родители? Маринка с Гулькой? Друзья? Вся моя будущая жизнь? Всю оставшуюся жизнь скрываться? Хотелось завывать и наброситься на старика с кулаками и бить, бить в гладкую рожу, чтобы поверил. До крови! Впереди такие события! Беды! Катастрофы, Гибель людей! А этот испугался! Стало страшно партийному функционеру? Легче всего обвинить меня во вранье и спустить на меня всех собак! Какой же я му...ак! Вся жизнь под откос! А так хорошо начиналась! Я встал с кресла, не зная, что делать дальше.

Романов нервно налил стопку коньяка и опрокинул в рот. Шумно выдохнул.

– Куда собрался? Тебя никто не отпускал! – выкрикнул, зло глядя на меня.

Некоторое время меряемся взглядами. «А взгляд у Романова тяжелый!» – мысленно отмечаю, но своего взгляда стараюсь не отводить. Неожиданно он опустил голову, ссутулился и как будто сдулся. Как будто постарел сразу на несколько лет. Опускаюсь на корточки и начинаю подбирать разлетевшиеся листки. Один попал на нарезанные кружки лимона и подмок.

– Еще есть? – чуть слышно спрашивает.

Мне показалось, что ослышался. Поднимаю взгляд на него. Романов смотрит на меня потухшим взглядом.

– Есть, – решительно отвечаю и показываю пальцем на голову.

– Сообщи о том, что можно проверить быстро, – приказывает.

Смотрю, что Романов подобрался и даже румянец вернулся. Сажусь, придвигаю к себе блокнот, и демонстративно взглянув на собеседника, вспоминаю недавнее сообщение Ксенофонта о смерти Папы и начинаю писать:

«Недавно избранный Папа Римский вскоре скончается и на его место будет избран польский католический священник Войтыла. (Вспоминаю и вписываю прикольное слово – «папабили»). Католики Польши приобретут мощную поддержку и станут влиятельной силой. Польша все больше будет становиться слабым звеном среди соц. стран. Правительство страны набрало западных кредитов. Вскоре кредиторы поднимут процентную ставку рефинансирования, и в Польше возникнет финансовый, экономический, а затем политический кризис».

Романов не выдержал, поднялся и встал за плечом, читая сразу чего я пишу.

Пишу – «Мазуров» и «Машеров» и поднимаю голову. Григорий Васильевич кивает, а потом вопросительно вскидывает подборок. Понимаю – это вопрос «когда?» Задумываюсь. Мазуров вскоре умрет. Официальная версия – по болезни. (По слухам – убит). О смерти Машерова помню, что будет дорожно-транспортное происшествие. Автомобиль Машерова столкнется с самосвалом, который нарушив Правила дорожного движения, выскочит на главную дорогу. Что-то вертится в памяти, насчет урожая. Вероятно, тот погибнет осенью. Так и пишу – «осенью восьмидесятого года».

Задумываюсь о том, что еще могу привести Романову в доказательство своих возможностей и понимаю, что нечего. Точных дат и многих событий не помню. В панике начинаю писать об всем, о чем помню:

«Военный конфликт между КНР (Китайская Народная республика) и СРВ (Социалистическая Республика Вьетнам). Китайские войска вторгнутся на территорию Вьетнама. Завяжутся приграничные бои. Наши пригрозят Китаю, даже приведут в повышенную готовность войска Дальневосточного округа, и они выведут свои части. До этого конфликта Вьетнам введет свои части на территорию Камбоджи и нанесет несколько поражений армии Пол Пота. Китай поддерживал режим Пол Пота. Срок – конец осени, зима.

Исламская революция в Иране. Шах сбежит из страны. Светское Правительство будет свергнуто. К власти придут исламисты во главе с аятоллой Хомейни. В стране отменяют все светские законы. Будет создано единственное в мире шиитское государство. США и нас признают врагами. Срок – зима, весна следующего года».

Завис: «Что еще написать, чтобы поразить Романова?» Открыл чистый лист и быстро, не обращая внимания на чистописание и разборчивость почерка торопливо записал:

«Предатели в СССР. Действующие, будущие, прошлые и вероятные.

Калугин, генерал КГБ. Первое главное Управление. Самый молодой генерал.

Поляков, генерал ГРУ.

Огородник. МИД или Министерство внешней торговли.

Кулак (Кулик), Герой Советского Союза, КГБ. Сейчас на пенсии».

Вспомнив о Великом Советском писателе Л. И. Брежнев, возвращаюсь к предыдущему листку и вписываю: «*Малая земля*», «*Возрождение*» и «*Целина*». *Л. И. Брежнев*». На Романова не смотрю, но чувствую, как он шевельнулся и вздохнул.

Продолжаю о предателях:

«Пигузов, Толкачев. Кто такие не знаю, но фамилии довольно редкие.

Резун. Сейчас должен работать в резидентуре в Западной Европе.

Гордиевский, – вроде КГБ.

Шевченко – посол в ООН.

Горбачев – вредитель.

Шеварднадзе – потенциальный враг.

Яковлев Александр – подозрения в шпионаже. Агент влияния. Помощник Горбачева.

Ельцин – сейчас первый секретарь Свердловского Обкома КПСС. Будет Президентом России. Ради личной власти готов на все».

Романов тронул меня за плечо и произнес:

– Хватит пока. У меня больше нет времени. Давай свои бумаги, почитаю и подумаю. Из Ленинграда пока не уезжай. Напиши мне телефон, по которому тебя можно будет найти.

– Я буду ежедневно звонить Петру Петровичу, – отказываюсь давать телефон.

– Ты мне не веришь? Зачем же ты искал со мной встречи? – удивился.

– Вам верю, но вашему окружению нет, – ответил, глядя в глаза.

Некоторое время Романов сверлит меня недовольным взглядом, но потом кивает, соглашаясь.

– Думаю, наша встреча не последняя, – предупреждает. – Что ты хотел по своим песням? – вспомнил.

– Передать песню «Дорога жизни» какому-нибудь певцу и зарегистрировать, как свою интеллектуальную собственность. Потом представлять Художественному Совету другие песни, и, если Совет пропустит, регистрировать их, – сообщил о своем желании.

– Я подумаю, – пообещал Григорий Васильевич. – Сейчас можешь идти, – разрешил. – Если встретишь Петра Петровича, то попроси подняться, – попросил.

Вырываю исписанные листки из блокнота и вместе другими, в том числе испачканным передаю ему.

– Очень прошу потом уничтожить их, – напомнил.

Забрал блокнот и попрощался.

«Надеюсь Романов последует моему совету и уничтожит записи, написанные моей рукой», – мелькает мысль.

Отступление. Романов. Ксенофонтов.

Оставшись один Романов задумался, глядя на небольшую пачку исписанных листков в руке. Поверить в то, чего он узнал сегодня, было невозможно, но именно из-за ужасного финала в это почему-то верилось. Не может, даже самый извращенный мозг придумать такого. И проверить правдивость Соловьева пока невозможно. «Молодой засранец! Свалил на меня этот груз и, наверное, доволен», – зло подумал о пророке, – «если это правда, конечно». Но мне чего с этим делать?

Хлопнула дверь в прихожей и в комнату вошел хозяин квартиры. Увидев задумавшегося Романова с пачкой листков в руке, Ксенофонтов поинтересовался:

– Как прошла встреча? Сообщил Соловьев что-либо интересное?

– Да, сообщил. Не знаю, что и думать, – ответил гость, по-прежнему погружившись в свои мысли.

Романов встал и, посмотрев на Ксенофонтова, сообщил:

– Слишком все неожиданно. Мне надо подумать, а сейчас пора ехать. Разговаривать некогда, потом с тобой свяжусь. Соловьев по-прежнему будет тебе звонить дважды в день. Будь добр, не спеши своим докладывать об этой встрече. Очень тебя прошу.

Григорий Васильевич протянул руку и после энергичного рукопожатия вышел из квартиры.

Ксенофонтов пребывал в растерянности. Таким он Романова еще видел. Что же произошло при встрече? Почему Глава Ленинграда выглядел таким пришибленным? Что ему сообщил Соловьев? Почему он не услышал никаких инструкций хотя бы на первое время? Не доверяет? Что означает настоятельная последняя просьба? Он ведь обещал и сообщал, в каком случае молчать не будет.

Наконец он вспомнил о пишущем магнитофоне. Может Романов рассчитывал, что, прослушав запись, я все пойму, а на анализ и разбор разговора действительно уже времени не оставалось?

Он остановил запись и перемотал пленку в начало. Запустил и, закурив, присел в кресло, приготовившись слушать. Слышит свой предварительный разговор с Романовым. «А запись неважная!» – машинально отмечает. Опыта в установке прослушивающей аппаратуры у него мало или плохой микрофон. Наконец послышалось начало разговора Романова с подростком:

«Сережа, ты сам хотел нашей встречи. У меня не так много времени. Не скрою, ты меня заинтересовал. Слушаю тебя».

«Простите Григорий Васильевич, но мне надо отлучиться, буквально на минуту».

И тишина! «Что такое? Куда Соловьеву нужно было отлучаться? Опять он прокололся с подростком! Тот снова придумал какой-то финт! Ах, сука!» – оперативник почувствовал раздражение. Послышался какой-то стук в динамике и голос школьника:

«Григорий Васильевич, ознакомьтесь, пожалуйста, с этим». И вновь продолжительная тишина.

«Вот что за листочки держал в руке Романов! За ними, наверное, ходил Соловьев!» – догадался. Заранее написал и спрятал снаружи квартиры. Предусмотрел прослушку и обыск перед встречей. Ай да парень!» – восхитился старый оперативник. Такому в органах цены не будет, хотя к какому начальнику попадет. Умных нигде не любят. Даже его, постороннего человека Соловьев злит, раздражает и восхищает одновременно. Обидно чувствовать себя проигравшим при его опыте оперативной работы. Получается, подросток выдал ему только то, что не посчитал нужным скрывать. На данный момент Ксенофонтов ничего о нем не знает, как и на момент первой встречи. Лихо! Он почувствовал профессиональную злость. Неужели он, со своим опытом не переиграет подростка, каким бы умным тот не был?

Вдруг в динамике послышался ругань и раздраженный выкрик Романова:
«Не верю! Ничему не верю! Чего ты добиваешься? ... Фантазер!»

«Чего такого написал Соловьев, что вывело из себя Первого секретаря?» – заинтересовался Петр Петрович. Почему фантазер? Попросил чего-то нереального? Вышел за рамки приличия? Наверное, все же это связано с какими-то фантастическими сведениями в записках! Тут пахнет государственными секретами. Не зря Романов при прощании просил не торопиться с докладом моим кураторам. Но сам Член Политбюро не будет скрывать угрозу государству. Что может знать подросток такого, что возмутило Романова?

«Куда собрался? Тебя никто не отпускал!» – послышался властный голос Романова. Неужели подросток собрался уйти? Во, дает! Неужели надеялся проскочить мимо охраны Первого секретаря? Хотя, если вспомнить – ребята сидели, болтали в машине и не были готовы к задержанию. Собеседника Романова они не знают в лицо. Они бы и не дернулись, если простой подросток с сумкой на плече вышел бы спокойно из подъезда и пошел по своим делам. А самообладания, похоже, Сергею не занимать!

Оперативник дождался окончания записи. Внимательно послушал концовку и, услышав свой голос, перемотал пленку в начало. Удивился, что подросток осмелился отказать просьбе Первого секретаря Обкома и поведению на этот отказ обычно нетерпимого Романова. Поморщился от сообщения о недоверии к окружению Члена Политбюро, а значит и к нему. «Что себе позволяет этот подросток?» – возмутился, но подумав, пришел к выводу, что сведения, которые передал Соловьев Романову, возможно того стоили.

«Может Соловьев, передал сведения, о каком-нибудь предателе, занимающего высокий пост?» – предположил. Ведь узнал же как-то он про маньяка? Но чего он может узнать в своем городе? Что городское начальство живет не по средствам? Мелко. В аппарате Ленинградского Обкома и в Горисполкоме таких более крупных деятелей полно. Романов, несомненно, знает их, только сделать ничего не может, пока «хапуга» не проколется, и покровители не отвернутся от него.

Оперативник прослушал запись еще раз и пришел к выводу: «Сообщать кураторам вообще не о чем». Они скорее воспримут его сообщение, как кляузу на высокого партийного деятеля, а его самого обвинят в старческой паранойе и посмеются. Не видно из записей государственных тайн. Да и не стал бы Петр Петрович обращаться к новому молодому поколению сотрудников КГБ. Не испытывал к ним уважения. Подчинялся по привычке и, соблюдая корпоративные интересы, но не уважал. Замечал некие признаки разложения и использование своего служебного положения в личных интересах. Он еще застал тех ребят, которые падая в голодные обмороки в период блокады и шатаясь от дистрофии, охраняли изъятые продукты у предателей и шпионов, как вешдоки и не смели к ним прикоснуться.

Конечно, служба в органах НКВД – МГБ – КГБ невозможно остаться с чистыми руками, как требовал по легенде основоположник органов Ф. Э. Дзержинский, и пишут в книгах о чекистах. Сам Петр Петрович в интересах дела без зазрения совести мог обмануть, подставить, применить недозволенные методы допроса и дознания.

Однако ему было не чуждо чувство порядочности, собственного достоинства, и он дорожил своим словом, поэтому он и без напоминания не стал бы сообщать никому о состоявшейся встрече.

«Пусть Романов сам решает, как поступить с полученной от Соловьева информацией и с самим источником», – сделал окончательный вывод.

Ксенофонов знал, что Романов сталкиваясь с проблемой, старался всесторонне обдумать ее. Подолгу советовался со знающими людьми и никогда не принимал скоропалительных решений, но приняв решение, не отступал до конца, и его энергии и настойчивости можно было позавидовать.

Романов со временем доведет все, что нужно знать Ксенофонтву. Он верил Романову. Также он был уверен, что встречи с необычным подростком долго еще не закончатся.

Глава 2.

Тетя Света.

Еду к тете, а сам чувствую, что напряжение не отпускает. Анализировать прошедшую встречу не хочется. «Вероятно, в подобных случаях многие захотели бы выпиться!» – предполагаю. Так бы и сделал, если бы употреблял. Конечно, выпивать приходилось и даже бывало сильно, но не любил и знал, что в пьяном состоянии человек адекватно соображать не может и способен совершить непоправимую ошибку.

Никогда не любил пьяное общество, но зачастую приходилось с этим мириться и даже участвовать в различных мероприятиях, по-другому – в попойках. В любом коллективе, армейском или милицейском к абсолютным трезвенникам относились подозрительно. «Сегодня с нами ты не пьешь, а завтра Родине изменишь!» – ходила популярная поговорка. Трезвый здоровый коллега в пьющем коллективе – потенциальный «стукачок» или карьерист, в худшем проявлении этого понятия.

Особенно не переносил пьяных женщин, хотя в молодости и пользовался нетрезвым состоянием девчонок. «Баба пьяная, пи...да чужая!»

Понимаю, что поделиться пережитым страхом не с кем, но хочется очутиться среди близких, любящих людей. «Лучше, если бы это была Гулька!» – неожиданно пришло в голову. Зарыться бы лицом в гриву ее черных волос и замереть, наслаждаясь знакомым запахом! Но желанная девчонка далеко, поэтому еду в привычную тетину квартиру.

Постепенно мысленно переключаюсь на предстоящий разговор с родственницей и задумываюсь: «Стоит ли рассказывать ей, хотя бы частично, о прошедшей встрече? Нет. Не стоит грузить близких женщин мужскими проблемами».

– Тетя! Мне сантехник, который вам отремонтировал кран, предложил поменять остальную сантехнику по доступным ценам. Мне хотелось бы сделать подарок за все добро, что вы для меня делаете, – начал разговор за ужином.

От неожиданного заявления тетя Света подавилась и, откашливаясь, категорически замала рукой отказываясь.

– Ты чего меня так пугаешь? – упрекнула меня, придя в себя. – У меня и так, все в порядке, – заявляет и обводит взглядом кухню.

– У вас хорошо. Уютно! – соглашаюсь. – Но к вам ходят гости, подруги, – намекаю, – представьте их удивление, когда они увидят импортную красивую и удобную сантехнику! – играю на женском тщеславии. – Причем, вам не придется общаться с грубыми и наглыми мужиками, – напоминаю ее слова. – За все я заплачу без проблем, – привожу последний довод.

– Давайте пройдемте по квартире, и вы расскажете мне, чего бы хотели иметь дома, – продолжаю настаивать, заметив ее колебания.

– Я и сама могу заплатить, – заявляет неуверенно, почти сдаваясь под моим напором. – Откуда у тебя деньги? Мама дала? – вдруг встрепенулась, подозревая меня в растрате родительских денег.

– За последние месяцы я заработал на порядок больше родителей, продав несколько своих песен, – признаюсь с улыбкой.

– А ...

– С мамой поделился, – опередил ее следующий вопрос.

Прошлись с ней по квартире и наметили заменить на кухне кран с мойкой. В ванной – раковину и смеситель. Тетя призналась, что мечтает поставить на кухне кухонный гарнитур,

а в большой комнате стенку-трансформер вместо серванта и шифоньера. Согласилась также заменить или отремонтировать болтающиеся розетки и выключатели.

Все-таки у женщин вить и обустроить свое гнездышко заложено природой. Тетю рас-тащило, и она уже начала мечтать о плитке в ванной, туалете и на кухне. О паркете на полу во всей квартире. Однако вскоре она вернулась в реальность и грустно призналась:

– К сожалению, это невозможно. Ничего этого ни за какие деньги не достать!

Пришлось пообещать и подумать над ее желаниями.

– Спасибо, добрый малолетний волшебник, – грустно поблагодарила. – Вот и у меня в доме, наконец, появился мужичок, – задумчиво отметила. – Поточи хоть ножи, хозяин, если помочь хочешь одинокой женщине, – предложила в шутку.

Мне это было не трудно и в течение следующего получаса правил ножи. С непривычки хозяйка порезалась, когда начала привычно кромсать батон к вечернему чаю.

Уже когда лег в кровать, мысли вернулись к прошедшей встрече с Романовым. Проана-лизировав разговор, я пришел к выводу, что зря запаниковал в критический момент разговора, когда высокопоставленный собеседник вспылит. Мне ничего пока не угрожало. Неизвестно, как бы повел себя сам, если узнал, что все чему верил – дело всей жизни рухнет всего за несколько лет. И не из-за происков внешних врагов, которых у государства было всегда много, а из-за действий своих же, которых называли товарищами, соратников с такими же партий-ными билетами, а тот же советский народ, ради которого он недосыпал, мотал нервы, жил и работал, так легко отказался от коммунистических идеалов и всех завоеваний социализма.... От Партии.... От него, в конце концов.

Главное я сделал. Довел, как и планировал до имеющего власть, энергию, амбиции и широкие возможности человека информацию о предстоящих бедах для страны. Теперь от Романова зависит, как наиболее результативно воспользоваться предоставленными знаниями. Он опытный аппаратчик, раз достиг нынешних высот. Должен знать «кремлевскую кухню» и людей, на которых можно опереться, кого привлечь в союзники, а кого скомпрометировать и убрать с политической арены.

Одно меня смущало – почему он без борьбы уступил интригану Горбачеву и безропотно отправился на пенсию по первой просьбе того? Я чего-то не знаю или не понимаю? Может Романов привычно соблюдал партийную дисциплину, выполняя решение Политбюро и Пле-нума ЦК? Не хотел вносить раскол в партийные ряды в сложное для страны время? Не знал, к чему приведет деятельность Меченого? «Может поинтересоваться у него самого?» – шучу мысленно и постепенно засыпаю.

Начало ремонта.

Утром поднялся не выспавшимся. Всю ночь с кем-то дрался, даже хотел убить – настолько сильным было это желание! От кого-то убежал или догонял. За окном было хмуро и мерзко – моросил дождь. «Скоро осень!» – мысленно констатирую.

Ополоснул лицо, прогоняя остатки сна. Натянул спортивный костюм, давно потерявший импортный лоск и побежал по вчерашнему маршруту. На бегу размышлял над вывертами подсознания.

Где-то читал, что во сне душа живет своей жизнью или где-то путешествует, покидая тело. Как это согласуется с теорией об антенне в человеке и отдельным банком памяти человека в информационном поле? Может подсознание куда-то заглянуло и хочет меня предупредить об опасности? Не пора ли мне «смазывать лыжи» и сваливать? Почему все «попаданцы» лезут изменять историю, подстраивать жизнь под себя, а не живут как все? Зачем я куда-то полез? У меня нет девяти жизней, как у кошек. Прихлопнут, как надоевшую муху и оборвется моя цветущая жизнь на взлете!

Разогревшись и почувствовав приятную усталость в мышцах, успокоил себя тем, что не все сны бывают пророческими. «Просто накатил «депрессняк» от психологической усталости и постоянного внутреннего напряжения последних дней!» – успокоил себя. Еще погода не радует!

Дома выпросил у хозяйки, недовольной моей инициативой кусок хозяйственного мыла и в тазике постирал заляпанный по задницу после бега спортивный костюм, а заодно скопившиеся грязные трусы и носки.

Через час ходили с Вадимом (слесарем-универсалом) по тетиной квартире, и я озвучивал ее и свои «хотелки» по дизайну жилья. Парень не выдержал и попросил листок с ручкой – слишком много информации я вывалил. Оказалось, что с сантехникой, электрикой и кафелем у него нет проблем. Насчет мебели обещал поискать выходы на нужных людей.

Вспомнив из будущего о пластиковых панелях и подвесных потолках, поинтересовался материалами для стен и потолков в нынешнее время. Вадим удивился и не смог предложить ничего, кроме обоев. «Нет, так нет! Будем искать!» – прокомментировал мысленно словами Семен Семеныча из «Бриллиантовой руки» ограниченные возможности и слабое знание современных тенденций в квартирном дизайне парня.

Договорились, что сантехника и электрика будет заменена до субботы. Вадим предложил привлечь для работы с кафелем другого специалиста и с ним же договориться о покупке кафеля, сроках и цене за работу.

Мне было все равно, лишь бы быстрее. «Песен, еще не написанных сколько? Скажи кукушка, напой...», – вспомнил Цоя про себя. Я начинал ощущать цейтнот. Ремонт растянется, как минимум на неделю. Сколько еще встреч со мной потребуется Романову? Каникулы заканчиваются, и вскоре надо будет ехать домой, готовиться к школе. Покупать портфель, тетради, учебники и прочие мелочи. Одежду для школы лучше купить здесь, так как выбор в Ленинграде лучше.

Договорился встретиться с Вадимом через час и побежал звонить Ксенофонтову. Петр Петрович в этот не стал упрекать за поздний звонок, а только поинтересовался – чем я занимаюсь? Что я мог ему ответить?

– О школе вспоминаю, – нахожусь с ответом.

– Чего о ней вспоминать? – удивляется, – обычно в школу после каникул идут неохотно.

– Каникулы длинные, отдохнуть надоело, вот и взгрустнулось. Даже песню написал, – признаюсь, вспомнив «Школа, я скучаю».

– Вот как? Хотелось бы тебя послушать и оценить. Может, встретимся, и ты споешь? Заодно хотелось бы и песню о блокаде услышать, – предлагает.

– Не знаю, как получится? – затрудняюсь с ответом, – тут решил с ремонтом знакомым помочь. На неделю думаю, растянется, а там домой надо будет ехать, к школе готовиться, – сообщаю, намекая, что не только у взрослых бывают проблемы и желательно не затягивать с принятием решения по моим сообщениям.

– Ты понимаешь, что не от меня многое зависит, – отвечает сочувственно. – Вечером жду звонка! – прощается.

– Всего доброго! – желаю в трубку.

«Похоже, Петр Петрович решил наладить со мной дружеские отношения», – соображаю по дороге в квартиру. «Романов порекомендовал или его собственная инициатива?» – гадаю.

Нудный дождь не унимался. «Может зонт купить?» – закралась мысль. В период учебы и службы в Вооруженных Силах мне на всю оставшуюся жизнь привили правила офицерского этикета. Всегда находиться в общественных местах и на улице – застегнутым на все пуговицы. Не носить в руках пакеты и зонты. Не допускал сам курения и лузгания семечек на ходу и требовал этого от подчиненных военнослужащих и сотрудников милиции.

«Сколько времени нахожусь в Ленинграде, а только сегодня вспомнил о творчестве!» – мысленно отметил. «Постоянное внутреннее напряжение, стрессы и отсутствие свободного времени не способствуют творческому настроению», – оправдываю себя.

Пока Вадим возился с электрикой, попытался припомнить песни о женщинах. «Ах, какая женщина», «Дорогая» Амирамова мне не нравились и по возрасту не подходили. А вот песня – «Женщина средних лет» красивая, мелодичная и отражает настроение большинства одиноких женщин.

Представляю тетю Свету. Привлекательная, умная, еще не старая, но в жизни не повезло. Оказалась к сорока пяти годам одна. Впереди – одиночество и старость. Жалко ее.

Вспоминаются слова песни: «Женщина средних лет... Дома никто не ждет... Перекресток и красный свет – можно и не спешить... День ее рождения... Дай ей бог терпенья и любви немного!» Зачитывая рифмы, напеваю. Вспоминаю мотив и придумываю слова. «Накроет на кухне стол, к чаю достанет тортик. Вспомнит о чем-то личном, сделает два звонка...»

Мое творчество прерывает приход плиточника. Дедок, лет шестидесяти, невысокого роста, одетый в старенький плащ хитро рассматривает меня из-под кустистых бровей. Вадим в нерешительности топчется у него за спиной и со скрытым весельем и любопытством наблюдает за мной. «Чего он ожидает? Развлечения?» – мелькнула мысль.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста, – проявляю вежливость.

– Взрослые, когда будут? – интересуется гость, не трогаясь с места и не отвечая на приветствие.

Понимаю, что происходит что-то непонятное, но не врубаюсь. Я еще мысленно на поэтической волне. Пытаюсь перестроиться и понять, чего от меня хотят? Кажется, начинаю соображать, что это обычный развод «клиента» на «бабки». Сделать меньше, а получить больше, а, чтобы заказчик еще остался и благодарен, то сразу поставить его в унижительное положение просителя.

– Вам «шашечки» или ехать? – интересуюсь, сбивая дедка с его темы.

– Какие шашечки? – удивляется.

– Анекдот такой, – отвечаю устало и рассказываю:

«Девушка голосует у дороги. Останавливается машина.

– Девушка, вам куда?

– А вы такси?

– Садитесь.

– А «шашечки» где?

– Вам «шашечки» нужны или ехать надо?»

Дедок тонко рассмеялся, а Вадим понимающе улыбнулся. Внутри чувствую поднимающееся раздражение. Тут и так проблем немеряно, а еще с этим «гегемоном» время терять приходится.

– Вам заказ нужен? Если я не устраиваю в качестве заказчика, то до свидания! Позднее найду и заплачу другому мастеру, – сообщаю обоим. – Взрослых не будет, я за хозяев и деньги мои, – добавляю.

Дедок весело и с любопытством рассматривает меня, склонив голову набок.

– Договоримся, – сообщает, соглашаясь, и протягивает руку: – Валентин Валентинович!

Рука жесткая, крепкая и неожиданно крупная ладонь.

– Показывай заказчик, чего ты хочешь? – предлагает и проходит в коридор.

Вадим с каким-то облегчением проходит мимо нас на кухню. Показываю плиточнику объем работ и высказываю наши с тетей пожелания. Дедок достав рулетку, замеряет помещения санузла и записывает в потрепанную записную книжечку. Потом поднимает хитро прищуренные глаза на меня:

– Материал купили уже? Размер плитки какой? Стандарт?

– Некогда мне с этим возиться. Я рассчитывал, что вы мне в этом поможете. Транспорта для доставки тоже нет, – признаюсь.

Хмыкнув, мастер начал опять чиркать в своем блокноте, чего-то подсчитывая.

– С цветом определился? – интересуется.

– Приблизительно. Я ведь не знаю, что можно выбрать? – сообщаю.

– А денег-то у тебя хватит? – интересуется, хитро улыбаясь.

– Хватит и на мороженое останется, если плитка будет не антикварная, без золотых изразцов и не из Вавилона, – улыбаюсь.

– Договоримся, – повторяет мастер. – В какие сроки тебе надо это сделать? – интересуется.

– А вам, сколько понадобится времени на качественную работу? – по-еврейски отвечаю вопросом и киваю в сторону санузла.

– Как материал будет. Дней восемь, – прикидывает. – За плиткой можно будет съездить завтра.

Я в растерянности. До конца каникул успеваю с ремонтом, но тогда срываются все остальные планы. «Надо советоваться с тетей», – принимаю решение.

– У вас есть телефон? – интересуюсь. – У меня нет времени на такой срок. Надо посоветоваться с родственниками, – поясняю.

– Хорошо, звони, – покладисто соглашается и протягивает визитку (!). (Вот так плиточник!). – Учти, что на мою работу очередь, – предупреждает.

Киваю и протягиваю «трояк» за беспокойство. Дедок с достоинством убирает купюру в старенький кошелек.

У Вадима тоже возникли какие-то проблемы с совместимостью резьбовых соединений. Ему пришлось спуститься в подвал и отлучаться на участок. Похоже, поначалу казавшимся таким легким ремонт, затягивался. Теперь понимаю тетин скептицизм. «Все равно выполню все, что задумал!» – пообещал себе.

Вечером отчитываюсь перед родственницей за проделанную работу. Она с удовольствием вертит блестящие ручки кранов непривычного дизайна и щелкает новыми выключателями. «Действительно красиво выглядят импортные краны и смесители», – отмечаю про себя.

– Какой же ты умница у меня, племянничек! – радуется она по-детски. – Это, наверное, очень дорого? – смущается.

– Не дороже денег, – отмахиваюсь. – Я вам не сказал, что встречался по поводу вызова по телеграмме. Сейчас жду решения. Не знаю, когда вызовут еще, а время поджимает – надо

к школе готовиться, – сообщаю. – Сегодня встречался с плиточником. Завтра можно ехать выбирать и приобретать плитку. Однако работа займет больше недели. Я опасаюсь не успеть до школы, – предупреждаю расстроено.

Теперь озадачилась хозяйка.

– Ну и ничего, жила без плитки и проживу еще, – успокаивает меня.

– Может купить плитку завтра, а положим потом, – предлагаю. – Мне, вероятно, неоднократно еще придется приезжать в Ленинград, – предполагаю.

– Это было бы замечательно! – радуется. – То, что приезжать будешь, – объясняет причину радости. – А с плиткой, бог с ней. Проживем и без нее.

– Вы же мечтали о плитке, кухонном гарнитуре и стенке? – напоминаю. – Я уже обо всем договорился насчет плитки и плиточника. Остается только привезти и кому-то находиться в квартире, пока ее кладут, – настаиваю. – А мебель потом куплю, – обещаю.

В ожидании смотрю на нее.

– Добрый ты слишком. Мне стыдно пользоваться твоим бескорытием, – признается. – Лучше побереги эти деньги, на что-нибудь другое или маме отдай. Ей на новую обстановку понадобятся и на ремонт в квартире. Знаешь, в каком состоянии у нас сдают новые квартиры? – советует.

Глядя в пол, стараясь не показывать своего недовольства, начинаю медленно говорить:

– Маме я уже оставил денег достаточно, чтобы обставить и отремонтировать несколько квартир. Денег у меня хватает, и заработаю еще. Мне просто хочется помочь своим близким и родным людям. Сделать то, чего они пока позволить себе не могут. Позвольте тетя мне вам помочь. Не отказывайтесь, пожалуйста!

Поднимаю голову и смотрю на нее. Вижу, как у нее глаза наполняются слезами.

– Милый мой мальчик, ты и так своим присутствием радуешь меня. Я даже с работы теперь тороплюсь домой. Ты представить себе не можешь, как плохо одной, особенно вечерами, – признается с грустью. – Вместо того чтобы отдыхать в каникулы ты взваливаешь на себя ремонт в моей квартире и хочешь сделать это за свой счет. Мне тоже тебе хочется, чем-нибудь помочь, но ты ничего не просишь. Все стараешься решать сам. Вот и по своей песне самостоятельно встречался с кем-то, даже не сказав мне, – сокрушается.

Мне почему-то становится стыдно и признаюсь:

– Уже.

– Что уже? – удивляется.

– Уже обращаюсь. Когда мне надо будет уйти по своим делам, вам желательно отпроситься с работы и присутствовать в квартире. Или попросить, кого-нибудь подменить меня на время, – информирую. – Вечеринку, наверное, придется перенести до окончания ремонта, – предлагаю.

Отмахивается:

– Это мелочи. С работы отпрошусь или соседку тетю Клаву попрошу из девяносто восьмой квартиры. Тем более, стоит мне сообщить в отделе о ремонте в квартире, как всех шокирую и заинтересую. Все ведь понимают, что такое ремонт. А если узнают, что это делается на деньги племянника? Не представляю, что начнется! – улыбается сквозь слезы. – Ты сам сможешь выбрать плитку? – интересуется.

– Завтра утром буду звонить плиточнику, и договариваться о встрече. Если интересно, могу перезвонить потом вам на работу и сообщить о времени выезда. Хотя, думаю – вечером сами оцените мой выбор, и если не понравится, то откажемся. Вдруг там выбора не будет? Если мне не понравится, то и покупать не буду, – заверяю.

– Как тебе все удастся? – удивляется. – Не успел приехать в незнакомое место, а уже нашел сантехника и плиточника. Договорился обо всем. Вон, какие краны и мойки красивые!

Ни у кого таких не видела. Я всю взрослую жизнь живу в Ленинграде и ничего и никого не знаю, а уж достать дефицит, не отстояв в очереди и подавно не смогу.

– Значит, договорились, – резюмирую, – завтра вечером оцените, но рабочий телефон оставьте на всякий случай.

Вспомнив про звонок Ксенофонтову, предупреждаю:

– Мне сейчас надо сходить прогуляться. Не привык дома сидеть целый день. В гастрономе нам ничего не нужно купить? Мне халвы захотелось и фиников.

Шифруюсь, чтобы не напугать родственницу телефонными разговорами из таксофона.

– Я все, что необходимо уже купила. Придешь, будем ужинать, но на будущее ты говори, чего тебе хочется, и я буду покупать, – сообщает.

Соглашаюсь и иду одеваться в прихожую.

Петр Петрович неожиданно предложил мне разнообразить пребывание в Ленинграде. У них на предприятии можно приобрести билеты на любое представление, выставку или спортивные соревнования, проходящие в городе. Пообещал подумать, вспомнив о жалобе тети Светы, что давно не была в театре. Сам не собирался, но ради нее готов был потерпеть.

Помню в детстве и в будущем бывал во многих Ленинградских музеях и больше не хотелось. В Эрмитаже бывал четыре раза и кроме воспоминаний о многочисленных помещениях, километровых (казалось) коридорах с картинами и статуями и усталости в памяти не осталось. Через час «осмотра» все сливалось в одну череду и казалось, что помещения похожи одно на другое, только картины разные, но взгляд не цепляют.

На выступлении хореографического ансамбля «Березка» в Спортивно-концертном комплексе мне с однокурсниками понравился только буфет с вкусным марочным портвейном, поэтому на второе отделение мы остались там. Я хоть и не злоупотреблял, но решил, что в буфете с друзьями будет интереснее, чем наблюдать за однообразными танцами.

На концерте органной музыки в каком-то специализированном здании даже буфет не порадовал. Нашел развлечение, разглядывая любителей классики. Кто от удовольствия под стул сполз. Кто-то, закатив глаза, раскачивал головой. Некоторые женщины, казалось «кончали».

Также не удивили и не поразили опера и балет, кроме ножек и попок балерин.

Больше понравились Военно-Морской музей, музей Артиллерии и Кунсткамера, но для просмотра экспозиций этих музеев достаточно было одного раза.

Бывал на эстрадных концертах и на хоккее, но, не являясь меломаном или хоккейным фанатом удовольствия не получил. Сейчас настроения для посещения эстрадных выступлений не было. Можно было бы сходить на бокс, хотя предполагал, что уровень любительского Советского бокса меня тоже не удивит.

Знакомство с дворовыми ребятами.

При подходе к подъезду замечаю компанию подростков в беседке на детской площадке в глубине двора. От компании тут же отделяется и двигается мелкий пацан мне наперерез.

- Эй, дай закурить! – незамысловато нарывается.
- Не курю, – бросаю в ответ, продолжая движение.
- Тогда дай полтинник, – не отстает.

Останавливаюсь и, не отвечая заводиле, приглядываюсь к компании. Сворачиваю и иду к беседке. Надо решать сразу с местными, иначе не отвяжутся, а мне еще здесь жить и приезжать в будущем. Подхожу и здороваюсь:

- Вечер добрый!

Все молчат. Шесть человек, не считая шкета за спиной. Одна из них девчонка. Внимательно разглядывают меня и поглядывают на жоака в центре. Парнишка в джинсах и джинсовой куртке. Длинноволосый с правильными чертами лица. Судя по всему, повыше меня. Стройный. Рассматриваем друг друга.

- Ты откуда? – наконец жоак подал голос.
- В гости приехал на несколько дней, – спокойно отвечаю.
- В сто седьмую что-ли? – поинтересовался другой пацан.

Жоаку видимо чужая инициатива не понравилась, и он недовольно покосился на спрашивающего.

- Туда, – подтверждаю.
- Cute boy! – неожиданно заявила девчонка.
- Thank you, girl! You look beautiful, too, – отвечаю, используя свой небогатый английский.

Однако мой ответ вызвал оживление в компании. Некоторые стали смотреть на меня с любопытством и интересом.

– Вадим тебе ремонт делал? – спрашивает тот же пацан, не обращая внимания на недовольного жоака.

- Нет, родственнице. Я только договаривался, – уточняю.
- Братан тебя хвалил, – сообщает он же.

Пожимаю плечами. Всех после этого сообщения будто отпустило. Сразу стали переговариваться между собой и перестали обращать на меня внимания. Шкет обошел меня и устроился на перилах среди друзей. Объектом внимания я оставался только у жоака и девчонки.

- Это ты бегаешь по утрам? – неожиданно поинтересовался крепыш с краю.
- Привык, – сообщаю.

- Каким спортом занимаешься? – продолжает спрашивать.

Все снова затихли и с интересом прислушиваются к нашему диалогу.

- Всем, чем нравится, – сообщаю неопределенно.
- Откуда к нам такой свалился хрен с горы загадочный? – не унимается жоак.

Чем-то я не понравился этому идиоту, но отступить нельзя ни в коем случае. Авторитет уронить легко, заработать трудно.

- Ты за базаром следи, а то помело вырву, балабол! – предупреждаю «по фене».
- Ну, ты попал колхозник! – выкрикнул волосатый и спрыгивает ко мне с перил.

Недолго думая ткнул кулаком того в солнечное сцепление. Его движение вперед и мой толчок навстречу привели к тому, что парня откинуло назад. Он ударился спиной о перила, свалился под лавку и, задыхаясь скрючился. Пацаны разом соскочили с перил и загомонили. Всех перекрыл высокий голос девчонки.

- Лом сам наварлся!

Кто-то из ребят зло смотрел на меня, а некоторые наклонились к упавшему.

– Тем, кто имеет ко мне претензии могу ответить сейчас или потом. Я не нарывался и никого не оскорблял, – спокойно предупредил компанию. – Где живу, знаете.

Подождал ответа и, не дождавшись развернулся к подъезду.

Шел и ругал себя за то, что не смог сразу наладить нормальные отношения с местными ребятами. Плохо начинать знакомство с драки. Мне здесь еще жить, но, похоже, волосатик не собирался заводить со мной дружбу, а сразу был настроен на конфликт. Драки можно было избежать только в случае, если бы я сразу признал его безоговорочное лидерство, но я и не собирался с ним конкурировать. Может быть, он хотел просто поднять свой авторитет, унизив меня или развлечься? В компании, похоже, нет согласия и авторитет у волосатика не безоговорочный. У этого дебила совсем мозгов нет, если так бездумно нарывается на драку с незнакомцем или он надеялся на поддержку друзей? Ладно, жизнь покажет, кто прав.

Ждать долго не пришлось. Уже за ужином прозвенел дверной звонок.

– Сережа! Это к тебе, – позвала меня удивленная тетя Света.

На площадке мялся тот же шкет.

– Тебя там зовут выйти во двор, – буркнул он, поглядывая на женщину.

– Сейчас оденусь и выйду, – сообщаю пацану, – я скоро вернусь, – предупреждаю, порывающуюся что-то спросить тетю.

Переодеваюсь в еще сырые спортивки и под подозрительным взглядом родственницы выскакиваю на площадку. Шкет ждет меня.

– Ты не ссы, наши не полезут. Тебя Лом вызывает один на один, – успокаивает меня. – Меня Витек зовут, – представляется.

– Я не боюсь, разберемся, – улыбаюсь, – Сергей, – представляюсь пацану и протягиваю руку.

«Один потенциальный союзник у меня, похоже, есть!» Идем уже рядом.

– Надо бы отойти от окон, чтобы не видно нас было, – предупреждаю Витька.

Компания стояла недалеко от моего подъезда. Лом выделялся среди всех ребят ростом, импортной одеждой, длинными патлами и единственный из всех зло смотрел на меня. Все направились куда-то вглубь квартала в сторону спортивных площадок. На полянке, образованной кустами и тыльной стороной хоккейных трибун остановились. Против меня вышел патлатый, и демонстративно разминая кисти начал оскорблять меня или заводить себя:

– Ну, колхозник, готовься. Сейчас я тебя пиз...ить буду!

– Начинай, чего разговаривать? – улыбаюсь. – Видимо, когда бог мозги раздавал ты за языком или ростом в очереди стоял, – подначиваю соперника.

В группе его дружков хохотнули. Длинный заревел, его лицо некрасиво скривилось, и он подскочил ко мне. Попытался ударить ногой снизу и тут же рукой, сделав шаг вперед. Я успел отскочить и удар ногой не получился, лишь коснулся бедра, а рукой он уже не достал. Увидев рядом его ступню, пяткой с силой ударил по подъему и снова отскочил. Он заорал от боли и присел, схватившись за ногу.

«Возможно перелом!» – мелькнула мысль. Косточки там слабые. Не останавливаясь, основанием ладони бью (толкаю) в лоб удобно присевшего противника. Добивать его не хочу – тот и так выведен из строя надолго. От толчка парень опрокидывается на спину, не выпуская ногу и матерится, проклиная меня и угрожая.

– Выздоровеешь, приезжай в наш колхоз, потренируйся. У нас любой салабон таких как ты пачками валит, – сообщаю противнику с насмешкой. – Конфликт исчерпан? – обращаюсь к остальным.

Ребята молчат и переглядываются. Видимо лидеров, кроме поверженного не осталось, а тот, возмущенно с земли начинает упрекать друзей в предательстве за то, что они не хотят вступить за него и отомстить чужаку.

– Будь мужиком, – упрекаю длинного. – Раз сам не смог, то нечего других подставлять. Я ведь и покалечить могу, – предупреждаю всех. – Надеюсь, в милицию жаловаться не будешь? – интересуюсь.

В ответ лишь слышу, как меня посылают на ...

– Я ведь тебя предупреждал – следи за базаром! За свои слова ответить можешь, – заявляю решительно и делаю шаг вперед.

Длинный, увидев мое движение сжался, ожидая удара.

– Не надо! – слышу вскрик девчонки за спиной.

Гляжу на зажавшегося парня и замечаю страх в его глазах. Поворачиваюсь к остальным.

– Я ни с кем не собирался ссориться. Выполню свои дела и вскоре уеду, – сообщаю. – «Давайте жить дружно!» – предлагаю словами кота Леопольда и улыбаюсь. – Пока! – прощаюсь и направляюсь домой.

Дома подвергаюсь придирчивому осмотру и допросу. Как могу, успокаиваю переживающую родственницу.

Отступление. Романов.

Григорий Васильевич был выбит из привычной колеи сообщением этого никому не известного подростка. Сначала он испытал сильное недоверие к написанному, вплоть до желания разорвать бумажки и забыть все, как злую и глупую шутку, потом понял, что забыть уже не сможет. Работая, читая документы, встречаясь и разговаривая с людьми, друзьями и коллегами, старый коммунист непроизвольно пытался оценить человека с учетом прочитанного о будущем. Неоднократно доставал листочки и перечитывал, пытаясь найти скрытый смысл и понять, о чем Соловьев не сообщил или искажил.

Оценив и посмотрев на все вокруг с другой точки зрения и другими глазами, он пришел к выводу, что многое в записках подростка является правдой. Жуткой, нежеланной, неприятной, но правдой. Все-таки находясь на высоком посту Первый секретарь Обкома не понаслышке знал о ситуации в экономике страны. Сам порой ругал неповоротливость, нерешительность и негибкость советской бюрократии. Знал, что почти невозможно протолкнуть передовую, революционную нужную народу и стране идею или довести ее до промышленного производства.

Григорий Васильевич сам столкнулся с труднопреодолимыми проблемами, когда захотел, наконец, избавить Ленинград от периодических наводнений и построить комплекс защитных сооружений.

Только у него в Ленинграде созданы и успешно действуют НПО (научно-производственные объединения) для того, чтобы научные достижения были приближены к производству. До этого ученые существовали сами по себе. Чего-то изобретали, испытывали, получали премии и звания, а пользы для народного хозяйства не было, а производственники не использовали достижения современной советской науки. Зато с созданием НПО промышленность Ленинграда получила значительный толчок, но и этого казалось уже мало. Необходимо больше интегрировать науку в производство. Ленинградские предприятия уже во многих областях конкурируют с промышленными гигантами и производствами развитых западных стран, а ведь еще недавно казалось, что их уже не догнать. Разве можно было достичь этого без социалистической организации труда? Этот бы опыт распространить на всю территорию СССР!

Страна богатая, люди замечательные. Почему же произошло так, как предсказывает Соловьев? Романов неожиданно поймал себя на мысли, что верит написанному.

Он вспомнил многочисленные случаи стремления многих партийных начальников протолкнуть своих отпрысков на «теплые» места или отправить за границу. Желание многих начальников, торгашей и деятелей искусства построить шикарную дачу с многочисленными предметами роскоши. Многие свою должность использовали для личного обогащения, а не для служения Партии и народу, и таких «товарищей» становилось все больше. Уже множество неблагоприятных проступков совершают сотрудники органов милиции и КГБ. Ширятся движения диссидентов и врагов Советской власти, особенно среди интеллигенции. Все больше становится поклонников буржуазного образа жизни.

В Ленинграде благодаря огромной работе его и подчиненных налажено снабжение продуктами питания. Григорий Васильевич с негодованием вспомнил возмущивший его случай, с которым столкнулся в одной из деревень области. Автолавка привезла из районного центра один хлеб и колхозники мешками закупили батоны и буханки. Других товаров в автолавке не было. Оказалось, что хлеб нужен людям для кормления скотины. Других кормов хозяевам было не достать по доступной цене. Вырастит колхозник свою хрюшку. Забьет. Накормит семью мясом, а часть продаст в городе. Купит одежду и гостинцы детям. При этом работает в колхозе за мизерную зарплату. Вот и пустеют деревни. Кто в этом виноват? Все начальники и он, как самый главный в области. Получается, не верят люди никому, раз мирятся с таким положением дел.

Навел он порядок в том районе. Настоял на партийных взысканиях многим руководителям. Некоторых понизил или лишил должностей. Но сколько еще деревень с подобными порядками? И это в благополучной обеспеченной продовольствием Ленинградской области. А в других областях? Получается, что у многих партийных и советских руководителей жемчуг слишком мелкий, а у простых людей суп жидкий, и в результате все недовольны жизнью.

Соловьев предсказывает, что с продуктами питания станет еще хуже. Тогда народ может подняться против Советской власти, но к счастью этого не случится. Зато никто не встанет на защиту Советской власти и Партии.

Первую ночь после встречи с подростком Романов совсем не спал, постоянно возвращаясь мыслями к полученной информации. Даже вставал и перечитывал заново некоторые моменты. Мысленно спорил, опровергал или искал аргументы, доказывающие, что такого не может быть. Однако через некоторое время находились контраргументы, подтверждающие написанное.

На работе автоматически подписывал обычные документы, а те, которые требовали обдумывания, стал рассматривать с точки зрения будущего – пользу или вред они смогут принести?

Почему Соловьев обладает таким даром? Есть ли или были ли другие люди с такими возможностями? Пишут и рассказывают о многих необычных людях, двигающих предметы, угадывающие мысли, передающие информацию на расстояние, вылечивающие силой мысли. О многих предсказателях известно из истории. Только он знал, что большинство из этих людей шарлатаны или ловкие мошенники. А в пророков из прошлого Романов не верил, так как не видел реальных документов с предсказаниями из прошлого.

Теперь он в руках держал такие свидетельства. Осталось дожидаться подтверждения их правдивости. Только не хотелось быть свидетелем предсказанных событий. Надо сделать все, чтобы этого не произошло. Пусть даже эта попытка будет стоить ему жизни. В войну было страшно, но он шел и защищал свою Родину, потому что верил в свое правое дело. А сейчас – что изменилось? Он так же верит в свое правое дело. Он снова в окопе против врагов его страны, партии и народа. Пусть эти враги находятся уже в его окопе и маскируются под своих. Но он благодаря Соловьеву теперь знает их. Только их много, а он пока один. К тому же враги хитры и прикрываются другими честными коммунистами, не подозревающими об их истинной роли или заблуждающимися. Надо искать союзников и подвижников, так же, как и он верящих в социализм.

Необходимо снова встретиться с Соловьевым и выяснить, что тот еще знает. Чего он сам думает о своем феномене?

Наконец Романов не выдержал и поручил помощнику передать распоряжение Ходыреву В. Я. – заведующему отделом науки Обкома КПСС собрать в ближайшее время Ленинградских ученых, которые занимались изучением паранормальных явлений и мозга. Вспомнил, что уже планировал эту встречу после получения первого письма от Соловьева. Объявил совещание рабочим, не требующим многочасовых докладов, продолжительностью не более часа. Хотелось узнать, что думают ученые о феномене Соловьева. Рассчитывал послушать всех, а наиболее близких по теме оставить после совещания и поспрашивать более предметно.

Незаметно для себя он начал планировать будущее. Григорий Васильевич прекрасно понимал, что стоит ему хоть немного высунуться с позиции регионального лидера, как против него ополчатся многие члены Политбюро и партийные группировки. На том уровне принято «дружить против», не смотря на симпатии или антипатии. Обладая ТАКИМИ знаниями Романов способен заставить объединиться многих против себя. Тогда не исключен несчастный случай.

Надо позаботиться о прикрытии своей спины. Кроме Ксенофонтова у него нет надежных людей. Но согласится ли тот уйти со своего завода и перейти на работу в Обком? Знакомить ли его с записями Соловьева? То, что-то подросток передал ему при встрече, Петр Петрович

явно понял. Молодец парень – предусмотрел возможность записи и подстраховался! А он чуть не потерял голову от злости и не провалил все. Слишком неожиданным оказалось сообщение для опытного партийца. Хорошо, что вовремя собрался, но «лицо потерял» перед подростком.

Соловьева тоже надо беречь пуше себя и держать под рукой. Прошло всего несколько дней, а уже неоднократно хотелось задать некоторые вопросы «пророку» или прояснить некоторые моменты. Придется переселять парня в Ленинград. То, что тот согласится, Романов почти не сомневался. Соловьев тоже болеет за будущее СССР. А как быть с его родителями? Куда его селить? К себе? В качестве кого? К Ксенофонтову? Так с самим Петром Петровичем ничего не ясно. Снимать квартиру? А его учеба? А дальше? Парню ведь надо будет получать высшее образование и профессию.

Так и не придя ни к какому решению, Григорий Васильевич набрал номер телефона Ксенофонтова и предупредил о приезде вечером.

Отступление. Романов и Ксенофонтов.

Григорий Васильевич привычно расположился на своем месте в кресле за журнальным столиком. Ксенофонтов расставлял закуски и приборы, с интересом поглядывая на гостя.

– Петр Петрович давайте сегодня обойдемся без спиртного, а то все наши встречи сопровождаются выпивкой. Так мы пьяницами станем на склоне лет, – заявил неожиданно гость, слегка улыбнувшись. – Завари-ка лучше чайку. Я привез бутерброды. Заодно и перекусим.

Удивленный хозяин отправился на кухню, не прокомментировав просьбу. Вернувшись в комнату с заварным чайником и чашками, он застал Романова, погрузившегося в глубокие раздумья.

– Что там у тебя с Соловьевым? – поинтересовался гость, подняв глаза на Ксенофонтова.

– Ничего. Все, как и прежде. Я ничего о нем не знаю. Отказался от предложенной культурной программы. Периодически звонит утром и вечером. В одном из разговоров сообщил, что помогает в ремонте квартиры знакомым и через неделю собирается домой – готовиться к школе.

– Домой, домой, – задумчиво повторил Романов и неожиданно решившись, предложил:

– Петр Петрович, я настоятельно прошу тебя перейти на работу в Общий отдел Обкома. Должность подберем, но основная задача будет – выполнять мои ОСОБЫЕ поручения. Спокойной и безопасной работы не обещаю. Мне крайне нужны люди, которым могу полностью доверять. Тебя я давно знаю и предполагаю, что ты не способен на предательство. В настоящее время я не вижу возле себя людей, на которых могу положиться.

Отхлебнул чая, не отрывая взгляда от лица Ксенофонтова. Тот в задумчивости поднялся, отошел к окну и закурил. Пауза затягивалась. Наконец, хозяин повернулся к собеседнику и заговорил:

– Спасибо за лестные слова. Меня не пугает напряженная работа или опасность, о которой вы упоминаете.

Прервался, затянувшись Родопи и продолжил:

– Но у меня есть обязательства перед Комитетом. Думаю, там не будут препятствовать смене места работы. Наоборот, заинтересуются. Обком – это другой уровень. Наверняка даже моего куратора сменят. Хотя официально запрещено разрабатывать людей вашего уровня, но в Центре не всегда соблюдают эти правила и готовы неофициально сунуть нос в подробности личной жизни и деятельности лиц, относящихся к особой номенклатуре.

Ксенофонтов снова отвлекся на сигарету, собираясь с мыслями. Решившись, заявил:

– Мне нужно знать, ради чего мне на склоне лет менять спокойную должность юридического консультанта на беспокойную работу вашего помощника.

Виногато улыбнулся, показывая, что думает иначе.

– Я должен быть уверен, что поступаю правильно, обманывая Комитет, – уверенно завершил.

Романов задумался: «Ксенофонтов полностью прав, требуя откровенности». Это было понятно с самого начала. Помощники такого уровня должны быть в курсе всего или почти всего, что известно ему. Зная взгляды старого знакомого и его мировоззрение, Григорий Васильевич был уверен, что тот с полной отдачей будет выполнять свои задачи. Советы опытного оперативника тоже не будут лишними. Единственное, что его смущало: «Поверит ли тот информации Соловьева? А если поверит – не захочет ли решить проблемы радикальным способом?» Вдруг уверовав в порядочность своего прямого начальника Андропова, решил сообщить обо всем ему? Романов сам сомневался, что Юрий Владимирович сознательно действовал против интересов государства, партии и Советской власти. То, что ради собственной власти

или в борьбе за пост Генерального Секретаря КПСС Андропов был готов на многое, он был уверен.

Романов был почти убежден, что сплетня про сервиз на свадьбе Наташи запущена в западные газеты с подачи Председателя КГБ. В крайнем случае, тот знал об этом все и не препятствовал провокации.

Но планировать развал СССР, действовать против партии и государства Андропов не будет.

Конечно, заманчиво иметь в союзниках такую фигуру, как председатель КГБ. Романов даже готов не препятствовать тому стремиться встать во главе партии и государства. Но впереди Афганистан! Какими соображениями руководствовался Андропов, настаивая на вводе наших войск на территорию соседней страны? Подвели аналитики КГБ? А протеже Андропова – Горбачев или Шеварднадзе? Ошибка в подборе кадров? Но на такой должности ошибаться нельзя! Тем более в такой критический момент для страны!

Это если верить Соловьеву. Как же не хватает информации! Парень со своими знаниями должен быть постоянно под рукой! Все. Думать больше некогда. Надо привлекать Ксенофонтова в помощники, а через него постоянно поддерживать связь с парнишкой.

Романов подобрался и, глядя на хозяина, спросил:

– Петр Петрович! Как ты отнесешься к сообщению, что через несколько лет СССР не станет?

Ксенофонтов опешил от неожиданного вопроса Первого секретаря Обкома Ленинграда и Члена Политбюро. Остро взглянул на собеседника и с осторожностью ответил:

– Я бы сказал, что это бред, если бы не спросили об этом вы. Страна сильна, как никогда и даже США со своим НАТО никогда не справятся с Советским Союзом и с нашим народом.

– Дело в том, что СССР развалится не от внешних врагов, а от внутренних. По инициативе руководства страны, а народ с этим молча согласится, – уточнил Романов.

– Простите Григорий Васильевич, но не верю. Этого просто не может быть! – воскликнул Петр Петрович. – Это вам сообщил этот сопливый подросток? – предположил.

– Не буду с тобой спорить. Сам в раздумьях и сомнениях. Вот почитай, что мне передал этот «сопливый подросток». Подумай и ответь на мое предложение о переходе в Обком, – заявил гость и, достав из внутреннего кармана костюма уже изрядно потрепанные листки протянул собеседнику.

Ксенофонтов с осторожностью и даже нерешительно взял небольшую пачку листов, попытался расправить. Взглянув на Романова, углубился в чтение. Романов с интересом наблюдал за эмоциями, проявляемыми Петром Петровичем при чтении. «Наверняка Соловьев так же наблюдал за мной!» – подумал с раздражением.

Ксенофонтов так же не обошелся без негодующих восклицаний и ругани вполголоса. Иногда также возвращался к прочитанному. Порой останавливался и задумывался. Наконец дочитав последнюю страницу, проверил обратную сторону листа и вопросительно посмотрел на Романова.

– Неужели такое может быть? Откуда Соловьев это может знать? Неужели...? Нет, это невозможно, – высказался, боясь признать сверхъестественное явление.

– Сам не могу поверить. Но смерть Кулакова он предсказал правильно и про маньяка сообщил. Что думать – не знаю! – признался Романов. – Надо срочно встречаться с ним где-нибудь на природе. Там и попробуем выяснить непонятные моменты, – предлагает. – Теперь понимаешь, почему он боялся огласки? – напоминает.

– Испугаешься тут, если у него в голове такие знания! – соглашается Ксенофонтов.

– Радует одно – Сергей не хочет подобного сценария. Выбрал по каким-то параметрам меня и сделал все, чтобы я узнал будущее. Надеется, что я смогу этого не допустить, – заявил Григорий Васильевич. – Ты со мной? – уперся взглядом в собеседника.

– Конечно, – не задумываясь, подтвердил старый оперативник. – Только, что ты собираешься делать? Неужели думаешь все это предотвратить? По силам ли? – сомневается.

– Сам не знаю. Но сидеть и смотреть, как терзают и грабят мою Родину не намерен! Если одни люди способны организовать такое, то другие, несомненно, могут это предотвратить! – решительно заявил Романов. – Конечно, в одиночку мне это не по силам сделать, – признается, – но уже сейчас нас трое. Обязательно найдутся другие, еще не потерявшие веру в социализм, не развращенные буржуазной пропагандой. Не продавшиеся за бочку варенья и корзину печенья. К тому же наши внутренние враги вынуждены действовать тайно, прикрываясь партийными билетами и притворяясь своими, а это ограничивает их возможности. Мы их знаем и должны показать всем их истинное лицо и разоблачить. Предателей, иуд и их покровителей. Разрушить все их коварные планы! – с некоторым пафосом, как в официальном докладе провозгласил Первый секретарь Обкома.

«Все-таки профессия влияет на формирование личности. Вон, как заговорил. Как на митинге!» – отметил про себя Ксенофонов.

– Может поступить проще с этими изменниками? Радикально. Нет человека, нет проблемы! – откровенно намекнул бывший разведчик.

– Мы не можем действовать преступными методами, к сожалению. Хотя, если уже не будет иного выхода, то ... подумаем, – заявил Григорий Васильевич. – А пока надо снова встретиться с Соловьевым и вытаскивать его в Ленинград. Хватит ему прятаться от нас. Он должен быть всегда под рукой, – размышляет вслух.

– Может на субботу рыбалку организовать? Там и поговорить обо всем, – предлагает Ксенофонов.

– Можно. Только, чтобы далеко ехать не пришлось. Основная задача не улов, а обстоятельный разговор. У тебя есть такое место на примете? – заинтересовался Романов.

– Я слышал, что у тебя дача в Осиновой роще? – поинтересовался Петр Петрович – не отвечая на вопрос.

Гость, глядя с интересом на хозяина кивнул.

– Недалеко есть рыбное Кавголовское озеро и подъезды к нему нормальные, – предложил оперативник.

– А червей на даче накопим и там же все есть для комфортного обустройства бивака, – подхватил «хозяин» Ленинграда. – Решено! Утром сообщаем Сергею о предстоящей рыбалке. Пусть только оденется соответственно, – ставит задачи. – Если не сможет, то помоги ему. Вот возьми, – достает портмоне и протягивает несколько купюр.

– Григорий Васильевич! Ты меня обижаешь! Неужели у меня не найдутся деньги на пацана? К тому же, Соловьев признался, что имеет деньги от продажи нескольких своих песен, – сообщает.

– Вот и об этом там поговорим, – недовольно поморщился Романов. – Ишь, комбинатор! – Вечером привезешь его ко мне на дачу. Постараюсь сам туда подъехать вечером, а утром выдвинемся на озеро. Эх, давно я не отдыхал! – вздохнул.

– Мы тут планируем, а у Соловьева может быть свое мнение, – сомневается Ксенофонов. – Своеобразный парнишка. Самостоятельный. Еще ни разу не поступал предсказуемо, – добавляет.

– Почему он должен отказаться от выезда на рыбалку? – удивляется Романов, – сам просил о встрече вне помещения, опасаясь прослушки. Поступай, как запланировали, – заключает.

Ремонт.

Утром, сразу после начала рабочего дня появился Вадим, чтобы доделать свою работу и для расчета. После приветствия он, улыбаясь поинтересовался:

– Это ты Ломову лапу отдал? Правильно. Давно пора его на место ставить. Корчит из себя «крестного отца», а сам пустышка. Только нормальных ребят с толку сбивает. Мало ему еще досталось.

– Что там у него – перелом? – интересуюсь.

– Не, ушиб сильный вроде. Хотя сегодня он на рентген поспекал. Что там еще определят? – уточнил, забавляясь.

– Не хотелось его сильно травмировать, – признаюсь. – Как ребята отнеслись к драке? – интересуюсь.

– Как братан объяснил – все было честно. Ломов вызвал тебя один на один и получил, – сообщает. – Жалко, что мало. Я бы больше дал, чтобы мозгов прибавилось, а то отпора не получает и наглеет все больше. Может теперь образумится, – добавляет от себя.

Предупреждаю Вадима об отлучке на пятнадцать минут, и мчусь звонить Ксенофонтову. Что-то меня стали напрягать эти бестолковые побегушки, однако в этот раз Петр Петрович меня озадачил вечерним выездом на рыбалку с высокопоставленным лицом. Предложил через час встретиться у него, чтобы заняться моей подготовкой к выезду на природу.

Задумался. Сейчас в квартире Вадим заканчивает ремонт. Обещал тете купить сегодня плитку и договориться с плиточником о ремонте. Чувствую, что на том конце провода Петр Петрович начинает нервничать. «Вероятно, опять ожидает от меня какого-нибудь финта!» – внутренне улыбаюсь.

– Простите, задумался, – извиняюсь за продолжительное молчание. – Я согласен, – радую собеседника. – Только приеду ближе к вечеру. Надеюсь, от семнадцати до девятнадцати часов не будет поздно? Снаряжусь сам, а сейчас занят, – информирую.

– Моя помощь не нужна? – интересуется собеседник.

– Нет, сам справлюсь.

– Тогда до встречи, – прощается.

Торопливо набираю номер Валентина Валентиновича.

Рассчитываюсь с Вадимом, вручив сто двадцать рублей. Глядя на довольного парня, понимаю, что переплатил. Не жалко. Хорошие отношения с нужным человеком и к тому же местным стоят дороже.

– Вадим, я рад нашему знакомству. Предупреждаю, что оставлю твои координаты своей тете. Прошу, не отказывай ей в помощи, когда меня не будет. Я тебе переплатил ради этого. Если будет мало, приеду, добавлю, – многозначительно предупреждаю парня. – Подскажи, где поблизости приобрести сапоги, рюкзак и все остальное для рыбалки? – интересуюсь. – Пригласили на завтра, – поясняю.

Через час на «ушастом» Запорожце Валентина Валентиновича катим за плиткой на какую-то базу или склад, где у того есть «блат». Без связей в это время ничего не купить! Все надо доставать.

К моему удивлению выбор плитки был неплохой для нынешнего времени. Конечно, не сравнить с предложениями строительных магазинов, тем более с Леруа Мерлен из будущего, но все же, не обращая внимания на цены, отобрал на пол в ванную большую плитку под синий мрамор, в туалет – под зеленый. На стены в туалет выбрал зеленый кафель, на кухню – белый с орнаментом, а в ванную на стены мне досталась дефицитная, даже для этого склада двухцветная сине-голубая плитка с тремя рыбками на голубом фоне.

Количество подсказывал опытный плиточник, сверяясь со своими вчерашними расчетами в блокнотике. По его рекомендации приобрел какие-то пакеты со смесью или с плиточным клеем с надписями на финском языке. Не задумываясь, рассчитался за товар с какой-то теткой в черном халате, даже не выясняя, сколько переплатил сверху. Этим поступком вызвал удивление плиточника.

– Видимо деньги у тебя чужие или легко достаются, раз так легкомысленно их тратишь, но все равно родственникам повезло с тобой, – отметил дедок по дороге домой.

«Вероятно, Валентин Валентинович прав!» – мысленно соглашаюсь. Не все нужно мерять деньгами или подарками. Душевное тепло не менее важно в человеческих отношениях, а я будто желаю откупиться или наоборот купить дорогих мне людей. Может это во мне сказывается мамина меркантильность, только наоборот? Тогда в лагере «лопухнулся» с подарками Таньке. Зачем-то закупил кучу вещей Гулькиной семье, хотя понятно было сразу, что семья не нуждается. Маринку одел с головы до ног. Чего я этим хотел добиться? Непонятно даже для самого себя, но как была рада Маринка и непосредственная по-детски Дилька! Приятно вспомнить. Может все же этот интуитивный поступок был не напрасным?

Дедок демонстративно не участвовал в перетаскивании пачек с кафелем и мешков. Только с последней партией груза достал из багажника свой инструмент, рабочую одежду и корыто. «Хорошо, что в доме тети Светы лифт!» – мысленно порадовался, сгибаясь под очередной партией груза.

Затащив все в квартиру, позвонил тете Свете на работу и предупредил о необходимости ее присутствия дома после обеда. Потом суетился, выполняя пожелания плиточника. Отодвигал мебель, снимал полки и шкафчики, расстилал старые газеты...

Похвастался появившейся тете приобретенным дефицитом. Не скрывая своего восторга, тетя расцеловала меня за удачный выбор и похвалила мой вкус. Огорчилась, когда сообщил, что сегодня уезжаю на рыбалку по приглашению знакомых. Заверил обеспокоенную родственницу, что обязательно познакомлю с ними в свое время. Как мог, ответил на обычные вопросы – что будешь есть, где спать и прочие.

Пока мотался по магазинам, покупая резиновые сапоги, брезентовую куртку (штурмовку), рюкзак, удочку и рыболовные принадлежности, тетя собрала объемный сверток с бутербродами и термос с кофе. Дома обо мне так никогда не заботились.

Чтобы не отвечать на дополнительные тетины вопросы позвонил с таксофона Эдику и предупредил, что завтра не приеду для телефонных переговоров. Хорошо, что застал непоседливого друга дома.

– Ну, наконец-то позвонил! Мы с девчонками тебя уже заждались. Народ для разврата давно готов. Где пропадаешь? – обрадовался.

– Извини, Эдик. С родственниками ремонт затеяли. Тороплюсь закончить до школы. Даже завтра на телефонные переговоры возможно не появлюсь. На тебя рассчитываю и уповаю, (смеюсь) что ты успешно пообщаешься с двумя замечательными девчонками и моим другом. Сообщи им, что поговорим на следующей неделе. Надеюсь, что не очаруешь их. Девчонок, имею в виду. Парня можешь. (Смеюсь). Встретимся обязательно перед моим отъездом. Зуб даю, – информирую.

– Ладно, обещаю провести переговоры на высоком дипломатическом уровне, – заверяет. – Ты бы хоть фотки их показал, чтобы представлять, с кем говорить буду. Ждем тебя на следующей неделе, – смеется.

– Нет у меня фоток, – признаюсь. – В следующий раз привезу или твоих подруг увижу и по параметрам покажу похожих, – заверяю.

Выезд на рыбалку.

В начале седьмого вечера звоню в дверь Ксенофонтова.

– Заходи. Готов, вижу. Сейчас соберусь, и поедем, – сообщил.

Замечаю, что Петр Петрович чем-то озабочен и взгляд у него непонятный.

– Почему не спрашиваешь, куда едем? – бросил заинтересованный взгляд.

– Все равно местность не знаю. Даже если сообщите, мне это ничего не скажет, – признаюсь. – Надеюсь, в лесу не бросите, – пошутил.

– В наших лесах не заблудишься, – улыбнулся.

– В наших – тоже, только каждый год грибники теряются, – пробормотал.

У Ксенофонтова было все собрано и через несколько минут мы вышли из квартиры. На улице он подошел к голубой «Волге» и открыл багажник. Загрузили вещи. Удочки разместили в салоне. Когда выехали на загородное шоссе, Петр Петрович вспомнил:

– В ваших краях можно часами ехать через леса. Деревни изредка встречаются на трассе. Даже перекусить негде. Правда, в каждой деревне возле дороги ведра с ягодами и грибами стоят. Иногда женщины парное молоко, творог и сметану предлагают. Вкусные. Свежего батончика бы к ним ...! Так что заблудиться у вас не мудрено.

Пожал плечами:

– Горожане за грибами-ягодами далеко от города не уезжают, и там все хожено перехожено, но каждый год организуют розыски пропавших.

Внезапно Ксенофонтов поменял тему разговора:

– Григорий Васильевич мне все рассказал про тебя и дал читать твои записи. Теперь можешь мне доверять, как ему.

Покосился на меня, отвлекшись от дороги. Этого я ожидал, но все же ответил:

– Извините, но дождусь сообщения от него самого.

Петр Петрович подумав, кивнул:

– Правильно. Только не могу понять, как ты с этим живешь?

Опять пожимаю плечами. Живу же ... «Вероятно, лучше многих!» – отвечаю мысленно.

Проезжаем многочисленные населенные пункты с неизвестными названиями. На север от Ленинграда ездил всего один раз, будучи курсантом со своим взводом на уборку турнепса. Оказывается, очистив овощ, его вполне можно есть, только немного и не долго – начинает горчить, как редька.

Еще мне запомнились те края многочисленными дотами на возвышенностях. В двух побывали. Бронированные двери оказались не запертыми – достаточно было повернуть штурвал. Доты, скорее всего, были не заброшены, так как стационарные пулеметные станки были под толстым слоем смазки. Доты были разных конструкций с разным числом внутренних помещений. Так и не разобрались, чьи они – финские или наши? Следов обстрела или разрушений не было.

В каком-то поселке Ксенофонтов остановил машину и поинтересовался у проходящей вдоль дороги женщины, где дача Романова Григория Васильевича. Та подробно и с готовностью объяснила куда ехать.

Через некоторое время остановились у ворот невысокого забора крайнего строения. Петр Петрович вышел из «Волги» и прошел в калитку. Вышел из машины и я, чтобы размять ноги.

Ворота открыл сам Ксенофонтов и, приглашая, мотнул головой вглубь двора, сел в автомобиль и заехал на территорию. Зашел вслед и закрыл ворота. На крыльце веранды одноэтажного зеленого дома стояла женщина и смотрела на меня. Огляделся. Недалеко от ворот у забора за огороженной решеткой стояла крупная овчарка и смотрела настороженно на нас, но не лаяла. Дом с пристройками сделан аккуратно, но без архитектурных изысков, похожий на казенный.

Не было того беспорядка или индивидуальных мелочей, присутствующих у частных домов и на прилегающем дворе. Везде чистота и порядок. Автомобильная щебеночная площадка на несколько машин располагалась прямо перед домом. На остальной территории росли кусты и деревья. Справа находилось еще какое-то строение. Что было за просторным домом не видно. Конюшен, теннисных кортов, вертолетных площадок и крытых бассейнов не заметил или не увидел. Почему-то был уверен, что этих неперенных атрибутов «скромной» жизни будущих «слуг народа» здесь нет.

– Кушать будете? – поинтересовалась женщина.

– Галина Петровна, я думаю стоит подождать хозяина, – ответил Ксенофонтов, – если можно чай... и кофе, – попросил, покосившись на меня.

– Можно, – улыбнулась, – могу молочка предложить. Где накрывать?

– Кофе с молоком, пожалуйста, – встрепенулся я.

– Сережа у нас кофеман, – пояснил Петр Петрович, улыбнувшись. – Мы здесь в гостях. Если можно накройте на веранде или на воздухе. В стенах в городе насиделись. А здесь хорошо! Дышится-то как! – глубоко вдохнул с наслаждением.

– Проходите за дом, там беседка есть. Туда все принесу, – предложила. – Париться будете? Баню топить? – поинтересовалась.

– Мы вообще-то на рыбалку собирались. С Григорием Васильевичем решим потом. Сейчас не надо, – отказался Ксенофонтов.

Пошли по тропинке вокруг дома. За домом оказалось значительное пространство, но всего несколько соток занятых деревьями, в том числе яблонями и кустами. В углу двора виднелись гряды. В другом углу – здание, вероятно, бани с верандой. Недалеко находилась крытая беседка с круглым столом посередине и пластиковыми стульями вокруг. Туда мы и направились. «Скромно, очень скромно живет Член Политбюро и Первый секретарь Обкома КПСС!» – мысленно отметил.

Бывал в будущем в многоэтажных хоромах «новых русских» с множеством комнат. С биллиардными, бассейнами, теннисными кортами. Там были столовые, гостевые, детские комнаты, кабинеты, спальни. Только почему-то жили в этих хоромах в лучшем случае только муж с женой и все, не считая горничной (или как там прислугу называют). Как потом догадывался, что хозяевами активно использовались всего несколько помещений в огромном доме, а остальные пустовали. Их двери открывались только для уборки или показа гостям, таким же коммерсантам или нужным людям. Детские комнаты были, но дети уже давно выросли и разъехались. Редко кто из бизнесменов стоил эти хоромы в молодом возрасте, когда дети были маленькими.

Хотя, возможно, у скоробогачей из южных республик дома заполнены родственниками и знакомыми. Вероятно, я бывал не у всех типов нуворишей.

Скрытой целью приглашений гостей для этих встреч была обычная кичливость оригинальным полом, лестницей из драгоценных пород дерева, вычурной мебелью или коллекциями. Один разбогачев, начинал коллекционировать атрибуты Вермахта, другой – награды, третий – холодное оружие. Причем, в обычной обстановке это были нормальные, веселые, образованные люди.

Я не помню из будущего о жизни в своем доме. Только проживание на две квартиры – своей и родительской, а мечтал о жизни в простом двухэтажном деревянном доме. Я бы жил под крышей, чтобы в ненастье слышать шум дождя. В окно хотелось видеть кроны деревьев, поле или водоем, чтобы наблюдать, как под ветром колышутся ветви, травы или волны. В доме обязательно должен быть камин и современная кухня, чтобы баловать себя различными блюдами, рецепты которых выискивал в интернете, так как готовить сам любил.

Мои мысли оборвало появление Галины Петровны с чашками и вазочками. Взглянув на курящего Петра Петровича, она принесла сверкающую пепельницу, банку индийского кофе, сахарницу и графинчик с молоком. Третьим рейсом доставила парящий чайник с подставкой

под него и заварной чайник. Пожелав приятного аппетита, удалилась. Ксенофонтов начал, как обычно «колдовать», заваривая чай, а я насыпал ложку кофе и две сахара в чашку. Залил все кипятком. Размешал и добавил молока. Отхлебнул глоток. Кайф! «Как мне все-таки не хватает привычного Нескафе!» – посетовал мысленно.

Некоторое время сидели молча, наслаждаясь августовским вечером и любимыми напитками. Где-то вдалеке слышался шум машин, лай собаки, мычание коров. Петр Петрович погрузился в свои мысли и курил сигареты одну за другой. В какой-то момент мне стало жалко этого немолодого человека, но тут же всплыли в памяти бабушки, продающие на многочисленных развалах стихийных барахолок штопаные шерстяные носки, потрепанные книжки и многочисленные безделушки, сохранившиеся от прежней жизни. Пенсионеров, подсчитывающих мелочь перед кассами супермаркетов. Гайдаровскую и Ельцинскую денежные реформы в одночасье сделавшие большинство населения страны нищими.

Вспомнил свою шестнадцатилетнюю соседку, которая с подружками-ровесницами тусовалась ежедневно на одной из остановок в центре города, дожидаясь клиентов, чтобы сделать минет за установленную таксу в восемьдесят рублей в начале девяностых годов.

Вспомнил телепередачу о русской семье, состоящей из матери и двух красивых дочерей четырнадцати и шестнадцати лет, которые проживали в одном из чеченских сел в период независимой Ичкерии. Их мужа и отца убили у них на глазах, а вся чеченская молодежь села каждый вечер навещала их дом для удовлетворения похоти. Только с приходом наших войск им удалось вырваться в Россию.

Вспомнил видео из интернета о маленькой девочке-заложнице с отрезанными пальчиками. У ее отца-бизнесмена бандюки вымогали деньги, похитив дочь.

Встряхнул головой и передернулся, прогоняя жуткие сцены-видения. У каждого поколения своя война! Сейчас молодежь еще в большинстве своем верит в идеалы добра и справедливости. Еще не делят в школах и во дворах на своих и чужих по национальному признаку. Хотя в армии, в частях, где преобладают национальности с Кавказа или южных республик уже заметно притеснение славян. Кто столкнулся с этим во время срочной службы, уже теряет веру в интернационализм и дружбу между народами.

– О чем ты думаешь? – в сознание пробился голос Петра Петровича.

Вижу встревоженное лицо Ксенофонтова.

– Такое ощущение, что ты хочешь кого-то убить, – признался.

– Слишком много таких, только боюсь, это ничего не изменит. Нельзя человеку позволять жить в условиях безнаказанности и вседозволенности, – размышляю вслух.

– Откуда у тебя такие мысли? Почему тебе это пришло в голову? Давно этот дар у тебя? – засыпал вопросами.

– Дар ли это? Больше похоже на проклятье, – признаюсь.

– Не поделишься? Может легче станет, – предлагает.

– Легче не станет уже никогда, – не соглашаюсь. – Давайтеждемся Григория Васильевича.

«Вот, наверное, почему неосознанно я радую близких и дорогих мне людей, казалось бессмысленными подарками», – вспоминаю сегодняшние размышления о своей глупой щедрости. Меня тревожит – сможет ли Романов сохранить привычный образ жизни в стране для всех? Не допустит ли обнищание населения и бандитский «беспредел»?

Деньги у меня никто не возьмет, кроме мамы. Копить бесполезно. В девяностые годы многие тысячи рублей на сберкнижках и «в чулках» превратятся в рубли, если их вовремя не перевести в валюту.

Надоела неопределенность. Когда же приедет Романов?

Ксенофонтов. Романов. Рыбалка.

С Петром Петровичем досидели до сумерек, поужинали бутербродами под кофе и чай и пошли укладываться. Расположились в гостевой комнате на двоих. Казалось, заснул еще на пути головы к подушке.

Вырываюсь из сна от того, что меня трясут за плечо.

– Сергей! Просыпайся! – слышу голос Ксенофонтова.

«Какого черта!» – ругаюсь про себя. Неужели пора вставать? Темень за окном. В комнате свет не горит, но от освещения в коридоре через открытую дверь в комнате вижу одетого Петра Петровича, склонившегося надо мной.

– Сергей! Григорий Васильевич приехал, хочет тебя видеть, – сообщает тот причину ранней пробудки.

«Ему, что завтрашнего дня мало будет?» – ругаюсь мысленно. Натягиваю спортивки с майкой и плетусь за Ксенофонтовым.

В просторной столовой за столом вижу Романова и двух крепких молодых мужчин. «Охрана. Ох, рано, встает охрана!», – язвлю про себя. Галина Петровна убирала уже со стола. Видимо поздний ужин или ранний завтрак у новых гостей уже заканчивался. «И на этом спасибо!» – промелькнула благодарная мысль.

– Добрый... Э-э... Здравствуйте! – замялся, но нашелся я.

Охранники синхронно кивнули, а Романов исподлобья недобрый взглядом смотрел на меня. «Да он же пьяный!» – вдруг замечаю. Нездоровый румянец, глаза мутные, но сидит спокойно, руки, сцепленные в замок, лежат на столе.

– Присаживайтесь, – буркнул, мотнув головой нам в сторону свободных стульев, напротив.

В дверях столовой вопросительно застыла домработница. Ксенофонтов отрицательно помотал головой, а я попросил кофе. Этот напиток никогда не влиял на мой сон или самочувствие, а на халяву получить удовольствие от хорошего импортного кофе откажется только дурак.

Охранники почти синхронно закончили пить чай и, поблагодарив, поднялись из-за стола. Романов мрачным взглядом проводил их. Галина Петровна поставила передо мной маленькую кофейную чашечку на блюдце, кувшинчик с молоком и подвинула сахарницу. Пожелала приятного аппетита и, взглянув на хозяина удалилась. Судя по аромату, кофе оказался свежесваренный нерастворимый. Наслаждаюсь, прихлебывая, и посматриваю на главного за столом.

– Ты посмотри, Петр Петрович, что значит молодость! Пьет кофе и не задумывается о сердце, давлении, бессоннице и прочем. Скинул на меня все проблемы и спит спокойно, домой собирается! А мне здесь расхлебывать? – обиженно заявляет Романов Ксенофонтову, кивая в мою сторону.

Отставляю чашку и смотрю на него, пытаюсь подавить возникшую неприязнь к пьяному собеседнику.

– Что, не нравится? Правду неприятно слушать? А каково мне? – возмущается, упрекая меня.

– Однажды президент одной страны поехал налаживать добрососедские связи с народом другой. Ездил по городам, читал лекции студентам и политикам, рассказывая о своей замечательной стране. Только в период визита постоянно злоупотреблял спиртными напитками. Его в таком состоянии видели все и активно обсуждали в газетах и на телевидении, а не то, что он хотел донести до слушателей.

В одном аэропорту, не обращая внимания на представительную встречающую делегацию он, выйдя из самолета, помочился на колесо шасси.

В другой стране не вышел из самолета к встречающему премьер-министру, якобы из-за плохого самочувствия.

На Родине народ уже смеялся, когда слышал, что их президент неделями «работает с документами». Знали все, что охрана замучалась поставлять ему эти «документы».

Замолчав, допил остывший кофе. Оба собеседника озадаченно смотрят на меня. Наконец Романов раздраженно интересуется:

– Это ты о ком рассказал и к чему?

Не услышав ответа, догадался:

– Пьяных не любишь?

– Не люблю, – признаюсь. – Можно я пойду спать? – прошу.

– Пусть идет, Григорий Васильевич? – поддерживает меня Петр Петрович, опасаясь неадекватной реакции хозяина.

Тот молча и недовольно сверлит меня взглядом. Не дождавшись ответа, Ксенофонов предлагает мне:

– Иди Сережа, ложись. Скоро уже вставать.

Встаю, киваю головой и ретируюсь в свою комнату, ожидая окрика. Чего еще может прийти в голову нетрезвому начальнику, привыкшему к почтительности подчиненных? Долго не могу уснуть. Ворочаюсь и гоняю всякие мысли в голове о прошедшей встрече. Что за наезд? Чем Романов недоволен? Того ли человека я выбрал для своих замыслов? Не найдя ответа и не дождавшись соседа засыпаю.

Утром меня опять поднял Ксенофонов. «Ложился ли он?» – возник вопрос. Посетил туалет и, ополоснув лицо, иду в столовую.

Там уже завтракали вчерашние ребята из охраны и пил чай хмурый Григорий Васильевич.

– Доброе утро! – здороваюсь и сажусь на вчерашнее место.

Все молча кивают.

Галина Петровна ставит передо мной тарелку с яичницей с жареной колбасой и вазочку с творогом, политому сметаной. Затем приносит чашечку со свежесваренным ароматным кофе.

– Выезжаем через полчаса, – буркнул Романов, вставая из-за стола.

За ним выходит Ксенофонов.

Проглотив завтрак, забираю рюкзак и выхожу на веранду. Ксенофонов курит с каким-то местным мужиком и чего-то обсуждает. Местный одет в резиновые сапоги и фуфайку. Охранники стоят возле черной «Волги» с антенной. Петр Петрович махнул мне рукой на свою машину. Закидываю рюкзак в открытый багажник.

Погода радовала. Стоял утренний туман, предсказывая хороший день.

– Раньше надо было выезжать, на зорьку, – посетовал мужик.

Из дома вышла Галина Петровна с брезентовым плащом и сапогами в руках и подошла к черной «Волге». Один из охранников открыл ей багажник. Уложив вещи, она позвала ребят за собой к сараю.

– Сережа помоги ребятам, – попросил Ксенофонов.

Перетаскали в машины маленький столик с раскладывающимися стульями. Закопченный котел с чайником и какие-то коробки. Импортную палатку с принадлежностями, удочки, спиннинги и другие рыболовные принадлежности. Мужик неодобрительно косился на наш груз, не относящийся непосредственно к рыбной ловле.

Наконец появился Романов и после непродолжительного совещания все расселись по машинам. Трофимыч (так звали местного мужика) сел рядом с Ксенофоновым, чтобы показывать дорогу, а я с удочками на заднем. Наша машина двигалась первой. Через пятнадцать минут пути начало клонить в сон.

Проснулся тогда, когда машину начало трясти на кочках лесной дороги. Вскоре выехали на берег. Выгрузившись из автомобиля, оценил – красиво. Берег песчаный. За спиной смешанный лес с частыми, отливающими желтизной стволов соснами. Солнце уже взошло и осветило озерную синь. Волны лениво накатывали на берег. За водным пространством просматривался заросший лесом противоположный берег.

Это место пользовалось популярностью рыбаками или туристами. Об этом свидетельствовали следы автомобилей и кострище с уложенными рядом двумя бревнами.

Охранники исчезли в лесу, видимо для осмотра окрестностей, а остальные начали готовить снасти для рыбалки и собирать хворост для костра. Поинтересовался у знающего Трофимыча толщиной лески, весом грузила и размером крючка для рыбалки на этом озере.

Подготовив удочку, пошел вдоль берега, выбирая место для рыбалки. По словам Трофимыча места здесь не глубокие. Ловится плотва, окунь, подлещик, ерш и щука.

Оказалось, что хороших подходов к воде здесь на этом берегу озера было найти довольно трудно. Берега к концу лета довольно сильно заросли. Подходящее место нашлось только при впадении какого-то ручья в озеро.

Только сейчас услышал запоздалое предупреждение Ксенофонтова, чтобы далеко не уходил. Предусмотрительные старшие товарищи остались на месте и не стали искать рыбацкого счастья в других местах.

Через час мог похвастаться несколько плотвичками и довольно крупным подлещиком. Солнце стояло уже довольно высоко, и клев прекращался. Услышал голос Петра Петровича, зовущего меня. Собрал свою трехколенную удочку и пошел в лагерь, забрав улов.

Здесь уже вовсю горел костер и над ним висел закопченный чайник. Ксенофонтов с Романовым сидели на бревнах и тихо беседовали. Одного из охранников и Трофимыча не было видно. Романов уже не казался хмурым. Вообще с приездом на природу куда-то пропала его барственность и подавленность. Незаметно было признаков и похмельного синдрома. Несколько раз даже слышал его смех. Любой работы он не чурался. Собирал хворост, рубил дрова и готовил снасти самостоятельно.

Но сейчас он вновь был собран и настроен на серьезный разговор. Петр Петрович подбородком указал мне на противоположное бревно. Я показал свой улов на самодельном кукане из ветки с целью узнать – куда его девать? Оба мужчины улыбнулись почему-то.

Романов махнул рукой в сторону озера. «Не понял? Выкинуть, что ли?» – озадачился.

– В воду положи. Придет Трофимыч, для ухи пригодится, – разъяснил Петр Петрович.

В воде обнаружил садок с уловом ветеранов. Такой мелочи, как у меня там не было. Даже кто-то выловил две щучки.

Вернулся к машинам и переоделся в кроссовки. После этого устроился на указанном бревне напротив мужчин. Оба уставились на меня, как будто видели впервые. Первым, как и ожидалось, заговорил Григорий Васильевич:

– Ты о ком ночью намекал?

– О первом президенте России Ельцине Борисе Николаевиче, в настоящее время Первом секретаре Свердловского Обкома КПСС, – отвечаю обстоятельно.

Ксенофонтов удивленно присвистнул, а Романов продолжал внимательно всматриваться в меня.

– У него еще много выходов было, позвучавших на весь мир. Например, пьяный дирижировал оркестром в Берлине на концерте, посвященном выводу нашей Группы Советских войск из Германии в присутствии многочисленных зарубежных гостей и репортеров со всего мира. Не имея слуха и голоса солировал, исполняя «Калинку-малинку» нетрезвым голосом. Было смешно, стыдно и противно видеть президента великой страны в таком состоянии.

– Как же он стал главой государства? – поинтересовался Петр Петрович.

Вспоминая свои размышления, стал негромко рассказывать:

– Горбачев всему народу уже надоел своей нерешительностью, бестолковой говорильней и предательством. Все были готовы поверить любому, кто мог предложить скорые изменения к лучшему. Ельцин и стал таким человеком. Он первый из партийных лидеров открыто стал выступать против внутренней и внешней политики, проводимой Горбачевым и его Правительством. Для повышения своей популярности в народе отказался от партийных привилегий. Проехался на городском общественном транспорте. Посетил ряд Московских магазинов. Тогда он был Первым секретарем Московского Обкома. Гришина к тому времени отправили на пенсию. Ельцин очень хотел личной власти, и настолько ненавидел Горбачева, что ради этого кулуарно в Беловежской Пуще организовал встречу с руководителями Украины и Белоруссии – Кравчуком и Шушкевичем. Как представители стран учредителей СССР они подписали Соглашение о создании Союза независимых государств (СНГ). С этого момента СССР перестал существовать.

Многие были убеждены, что основная цель Ельцина – лишить власти Горбачева. Стать первым, пусть в РСФСР, но не делить власть ни с кем. К тому же, вероятно, он не был уверен, что сможет стать главным в СССР. К тому времени многие лидеры в республиках захотели так же стать первыми, а не одними из... Большинство населения в союзных республиках полагало, что стоит стать независимыми от Центра, как их жизнь сразу улучшится. Все считали, что несправедливо кормят нищую Россию.

Вижу, как у мужиков гуляют желваки. Романов покраснел, а у Ксенофонтова сжимаются кулаки. Заметил приближающегося Трофимыча тоже с куланом полным рыбы. Романов махнул ему рукой, чтобы не мешал разговору. Тот кивнул и свернул к водоему. Ксенофонтов поднялся и из машины достал закопченный котел литров на пять-шесть.

– Ты из-за безобразного поведения этого ... упрекал меня ночью? – с негодованием поинтересовался Романов, избегая называть Ельцина.

– Я не могу осуждать вас. Просто не люблю пьяных. Уверен, что в пьяном состоянии человек может допустить непоправимые ошибки, – поясняю.

– Будешь на моем месте, поймешь, что не всегда приходится делать то, чего не нравится ..., – пытается объяснить свое положение и замолкает.

Видимо соображает, что оправдывается перед мальчишкой, поэтому снова злится и раздраженно глядит на меня, а я внутренне открешиваюсь даже от предположения занять место Романова. Возвращается Ксенофонтов, отдав котелок Трофимычу и махнув рукой свободному охраннику, отправив его на чистку рыбы. Романов успокоился и поинтересовался, глядя пристально на меня:

– Чего ты сам думаешь о своем даре или как назвать твои необычные способности?

– Много раз размышлял об этом, но даже с учетом знаний из будущего ничего уверенно сообщить не могу. Читал о гипотезе существования информационного поля Земли. Там якобы хранятся все знания о событиях прошлого, настоящего и будущего вне времени. Там же хранятся знания всех мыслящих земных существ. Если предположить, что наша память там, а не здесь (показываю на голову), то в какой-то мере можно объяснить мой феномен. Эту теорию подтверждает буддизм, индуизм и ряд других религий с идеей реинкарнации. Бывали случаи повреждения мозга, но при этом память человека сохранялась. Так же этим можно объяснить фантомные боли.

Не уверен даже в том, что вся поступающая информация только из моей будущей памяти. Похоже на то, что события, о которых знаю, в будущем вызвали у меня и многих других русскоязычных людей наиболее сильные эмоции и реакцию и создали эффект резонанса. Эти знания похожи на информацию из средств массовой информации – газет, журналов, телевидения, книг и статей, а также из разговоров неизвестных мне людей и сплетен. Отсюда – незнание многих точных дат, фамилий и мест произошедших событий.

Подозреваю, что вся эта информация проходит через призму моего восприятия мира, мое мировоззрение и принципы, поэтому, зачастую, может быть субъективной и неправильно оцененной. Стараюсь сообщать вам только факты, но, вероятно, не всегда это получается.

К примеру, знаю, что на Олимпиаде в Москве в 1980 году из-за отсутствия многих стран, присоединившихся к бойкоту СССР из-за ввода войск в Афганистан, наша олимпийская сборная займет неофициальное первое место. Наш пловец Сальников выиграет три золотых медали, но в каких дисциплинах не знаю, так как сам никогда не интересовался плаванием. Зато в боксе, который любил, наши завоюют всего одну золотую медаль в весе «мухи». Почти все «золото» заберут кубинцы. Наш бокс отстал тактически от мирового.

Вот поэтому настаиваю на недопустимости вмешательства в мой мозг в попытке достать оттуда мои знания. Не зная механизма получения моих знаний из будущего легко повредить и утратить эту способность. Я сам добровольно готов сообщить обо всем, чего знаю или вспомню. К тому же я не могу сказать, что знаю или понимаю все события, причины или предпосылки этих событий, произошедшие в стране или в мире.

– Успокойся! Никто не собирается копаться в твоих мозгах, – раздраженно заявил Романов. – А если ты ошибаешься?

– Не исключаю, – признаюсь, – зная о крупных событиях ближайшего будущего, анализирую и высказываю порой свое мнение, которое может не совпадать с вашим. Я ведь уже говорил, что не знаю, по каким причинам были приняты те или иные решения в прошлом, настоящем и будущем. В своих записках указал на моменты, которые явно были ошибочны и вредны для страны. Согласитесь, что в СССР давно назрели перемены во всем. В политике, идеологии, экономике и прочем. В будущем сегодняшнюю ситуацию в стране назовут застоєм.

– Но-но! Не заговаривайся! – встрепенулся Григорий Васильевич. – Еще никогда наш народ не жил так благополучно. А с каждым годом живем все лучше.

Не думая о последствиях, возмущаюсь и решительно заявляю:

– Только когда разные демагоги, в том числе партийные, предложили людям отказаться от социалистических принципов в обмен на двести сортов колбасы в магазинах в свободном доступе, возможность приобретать свободно, как в западных странах любую вещь и аппаратуру, то большинство согласилось. Сейчас, имея деньги, нет возможности купить свободно то, чего хочешь. Все приходится доставать. Когда простые люди столкнутся в будущем с действительностью, будет поздно. Действительно, можно будет купить все, чего захочешь и поехать в любую точку мира. Только большинству населения будет покупать и ездить не на что. Денег будет хватать только на то, чтобы выжить. Причем таких возможностей, какие все имели при социализме – бесплатное получение жилья, медицина, учеба в ВУЗе, пенсионное обеспечение и прочие, уже не будет. Особенно трудно будет жить в девяностые годы. Потом жизнь наладится, однако все равно многие будут сожалеть по утраченным возможностям и принципам жизни при социализме.

– Ладно. Успокойся. Разошелся, – остановил меня Романов. – Что ты предлагаешь?

– В идеале – стать вам Генеральным секретарем ЦК КПСС и начать постепенную, грамотную и продуманную реформу всех областей нашей жизни. В экономике, политике и идеологии, – провокационно заявляю, внимательно глядя в его глаза.

Никаких эмоций не замечаю и продолжаю:

– Вероятно, это в ближайшем времени невозможно. Тогда попытаться не допустить событий, из-за которых рухнет наша экономика – Афганской войны, аварии на Чернобыльской АЭС и прочим. Кстати вам тоже будут предлагать провести ряд экспериментов на Ленинградской АЭС, аналогичные тем, из-за которых взорвался реактор в Чернобыле. Знаю, что причиной аварии послужили конструктивные ошибки в защите реакторов этого типа.

Необходимо снижать расходы на оборону и на помощь другим странам. Выровнять условия жизни во всех республиках. У нас и так непомерно раздут военный бюджет.

Вижу, что собеседники отвлеклись и смотрят в сторону озера. Трофимыч показывает, что с чисткой рыбы они с охранником закончили. Романов поднимается и облегченно потягивается. Все-таки неудобно сидеть на низком бревне. Встаем и мы с Петром Петровичем.

– Игорь, зови своего напарника. Нечего ему по кустам прятаться. Пусть с вами уху варит, а мы немного прогуляемся, – распоряжается Григорий Васильевич.

«Не вызовет ли удивление у присутствующих, что два взрослых мужика внимательно слушают подростка? – возникает опасение. После появления второго охранника мы отправились по дороге, по которой приехали к озеру.

– Ты упоминал предателей в КГБ, ГРУ, МИДе. Есть доказательства их предательства? – интересуется Ксенофонов.

Задумываюсь, вспоминая:

– По Полякову из ГРУ помню из прочитанного, что шпионские принадлежности он хранит в несессере и ручке спиннинга. У Огородника пленка храниться в батарейке фонарика и вроде в гараже, в тайниках, замаскированных под булыжники. При нем пишущая ручка с вмонтированной капсулой с ядом. Про Калугина ничего не знаю. Но его подозревали в предательстве Алидин или Олидин – начальник КГБ по Москве, и некто Дроздов – кто такой не знаю. Про остальных тоже ничего не могу точно сказать.

– Какие-то у тебя знания не полные, – заметил Романов.

– С вами я предельно откровенен, – заверяю, – если чего вспомню дополнительно, то обязательно сообщу.

– А кем ты был в будущем ... тьфу, будешь в будущем? – не унимается.

– Офицером. Окончу Ленинградское Общевоинское училище. Буду служить в войсковой разведке. (Ксенофонов хмыкнул). Потом, после увольнения по сокращению штатов, продолжу службу в отделе милиции своего города. Попутно закончу заочно юридический факультет областного университета, по программе переподготовки офицеров запаса.

При Ельцине начнется кардинальное сокращение всех силовых ведомств. Вероятно, он опасался патриотически настроенных и недовольных его политикой офицеров. Только КГБ будет реформироваться трижды. Из МВД уберут отделы по борьбе с организованной преступностью, нынешние ОРБ. У КГБ заберут функции контроля над экономикой и финансами. Наверное, чтобы не мешали безнаказанно грабить страну.

– А сейчас куда хочешь пойти учиться? Снова в свое училище? – интересуется Петр Петрович.

– Нет. За электроникой будущее. Думаю, поступать в институт, связанный с радиоэлектроникой, – информирую.

– Хватит тебе прятаться от нас. Мы тебе зла не желаем. Ты должен быть доступен в любое время. Петру Петровичу сообщишь все адреса и телефоны, по которым тебя можно быстро найти, – решительно заявляет Романов. – Тебе надо перебираться в Ленинград, чтобы был постоянно под рукой. Вдруг потребуются срочная консультация.

Помолчал, искоса наблюдая за моей реакцией. Стараюсь не показать удивления, хотя почему-то не очень удивлен, так как понимаю его желание.

– Как твои родители отнесутся к этому? Согласятся? Работу по специальности им найдем легко. Жилье временно предоставим, потом и квартиру выделим. Ты пойдешь в Ленинградскую школу заканчивать десятый класс. Можно даже подумать о специализированной школе с физико-математическим уклоном, – интересуется и завлекает.

Пытаюсь представить реакцию родителей на сообщение о переезде. Вспоминаю о полученной уже квартире улучшенной планировки. О даче. Об отцовских друзьях. О мотоциклах. Понимаю, что затрудняюсь с ответом.

– Сам согласен. За родителей сказать ничего не могу, – признаюсь.

«Зато, вероятно, тетя Света обрадуется», – мелькает мысль. «А как же Гулька и Маринка? Как быть с ними?» – озадачиваюсь. Чем-то мой поступок похож на предательство или непорядочность. «Но все равно, надо с кем-то из них прекращать отношения!» – появляется здравая, рациональная мысль. «Конечно, придется поступаться личным, ради дела, но ведь не хочется!» – признаюсь себе.

Оглядываю собеседников. Оба сочувственно смотрят на меня.

– Я согласен, – повторяю решительно, – только не знаю, как мне перевестись в Ленинградскую школу, родителей спрошу, но думаю, они откажутся.

– Со школой поможем. Если родители откажутся, то тебе лучше поселиться у Петра Петровича, если он не против. С ним будет спокойнее тебе и нам. Хватит мыкаться по знакомым, – предлагает «хозяин» Ленинграда.

– Не против, – сообщает Ксенофонтов.

Решаю пока не сообщать им о тете до решения родителей и не отказываться сразу от предложения поселиться у Петра Петровича.

Неожиданно Романов поворачивается к Ксенофонтову и предлагает:

– Петр Петрович! Сейчас хочу спросить Сергея о личном.

Ксенофонтов понимающе кивает и отстает.

– Расскажи обо мне, – просит.

– С момента выхода на пенсию вы ничем не выдающимся не отметитесь. Будете входить в какие-то ветеранские и партийные организации. Про мемуары ничего не знаю. От интервью будете уклоняться, – рассказываю, но не понимаю вопроса и замолкаю.

Смотрю вопросительно на собеседника.

– Давай смелее! – подбадривает и поясняет: – Сколько мне осталось?

– Две тысячи восьмой год, – сообщаю.

Романов шумно вздохнул. Некоторое время шли молча.

– Что про меня говорят в будущем? – наконец интересуется.

– Наверное, то, что и сейчас. Кто-то считает вас крепким хозяйственником, и отмечают большую роль в строительстве и индустриализации Ленинграда. На вашем доме поместят мемориальную доску. Некоторые считали вас «сталинистом» и упрекали за жесткий стиль управления. Считали трудноуправляемым. Вероятно, этого опасаются сейчас ваши коллеги, поэтому предпочли Горбачева, как более гибкого политика. Интеллигенция отзывалась отрицательно. Упрекали в излишнем притеснении евреев и преследовании свободолюбия творческих личностей, – вспоминаю немногочисленные сведения, которые удалось вспомнить.

– Сволочи... – разобрал бормотание. – Расскажи-ка мне про моих «коллег», – уцепился за слово и повернулся ко мне.

Не имея перед глазами списка Членов и кандидатов в Члены Политбюро, затрудняюсь с ответом и начинаю с наиболее известных:

– Леонид Ильич серьезно болен. Его посадили на успокоительные таблетки, которые позволяют хорошо спать, но не способствуют умственной деятельности и бодрости. Считалось, что в последние годы он управлением страной не занимался. Сам не знаю – помню из мемуаров и воспоминаний близких ему людей. Согласился он на кратковременный ввод войск в Афганистан под давлением ближайших соратников – Устинова, Андропова и Громыко.

Устинов, пользуясь своим влиянием в Политбюро, по-прежнему изо всех сил готовится к прошедшей войне. Наклепали танков и боевых машин больше чем во всем НАТО и продолжаем выпускать, а в электронике уже отстаем на много лет. Строим новые самолеты и корабли с эксклюзивными летными и ходовыми характеристиками, но с допотопной начинкой. Моряки признавались, что залп корабельной артиллерии одного борта выводит из строя половину корабельной аппаратуры. Самолеты превосходны по летным характеристикам, но из-за отсталости в электронике летают слепыми и глухими. Были подозрения, что Устинова отравят на учениях

войск стран Варшавского договора, так как сразу за ним умрут несколько Министров обороны других стран.

У Громыко кроме некоторых достижений в политике разрядки и снижении международной напряженности везде провал. Революции на Кубе, в Афганистане и многих других странах проворонили. Дипломатический корпус слаб. Так же вместе с КГБ и СВР проворонят свержение шаха в Иране. Долго поддерживали и хвалили политику Пол Пота явно маоистского толка, а там при строительстве социализма погибнет более трех миллионов человек. Из-за несогласованной и непродуманной политики мы потеряли всех вероятных союзников на берегах Аденского залива – стратегической нефтеносной артерии наших вероятных противников. Имей там хоть одну базу, мы бы могли держать за горло все НАТО. Сами знаете, кого у нас направляют послами – чиновников, партийных руководителей, проваливших работу или проштрафившихся. Кто учится в МИМО и других престижных ВУЗах страны? Сынки высокопоставленных руководителей из-за перспективы работы за рубежом, а не по призванию.

Сулов заостенел в своем мировоззрении. Грудью стоит на неизменности партийных догм, забыв, что марксизм – наука, требующая изучения и развития. С какими пролетариями всех стран нам следует объединяться, если на Западе рабочего класса уже почти не осталось?

Останавливаюсь, так как замечаю, что Романов в негодовании смотрит на меня и готов наброситься с кулаками.

– Мальчишка! Что ты понимаешь? Как ты можешь судить о том, в чем не разбираешься? Нахвтался по верхам сплетен и судишь всех со своего шестка! Ты сам ярый антисоветчик! – закричал на меня.

В растерянности отшатываюсь и оглядываюсь на приотставшего Ксенофонта. Тот, не слыша нашего разговора, удивлен реакцией Романова. Надо выправлять положение.

– Григорий Васильевич! Маразм кремлевских старцев приведет к краху страны, дискредитации социалистических идей и развалу партии, – пытаюсь достучаться до разума собеседника. – Сейчас в Швеции, Дании и Норвегии социализма больше, чем у нас. И народ живет там лучше. Через пару десятков лет Китай под руководством КПК превратится в великую промышленную державу, обогнав нас и настигнув по промышленному потенциалу и финансовой мощи США.

Романов недоверчиво смотрит на меня.

– Китай? – в замешательстве переспрашивает.

Устало киваю. Утомился молотить языком.

– Андропова ты не охаял, – скептически напоминает он.

– Юрий Владимирович тоже приверженец «сильной руки» в управлении государством. Хотелось бы надеяться, что он также приверженец принципов социализма, идей укрепления и развития СССР. Понимает, что экономика страны требует реформирования, а государство нуждается в наведении порядка. Партийная и советская элита разложилась и не заинтересована в изменениях. При нем были возбуждены множество уголовных дел. Одно хлопковое дело в Узбекистане выявило многомиллиардные приписки. Крупные уголовные дела против рыбной мафии в Минрыбхозе, курортной мафии в Краснодарском крае, торговой мафии в Московском торге были возбуждены по его инициативе и были свернуты после смерти. При нем потеряли должности многие первые секретари областей и в ЦК. Он привел во власть новых людей. В числе них оказались будущие могильщики СССР – Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев, Рыжков и другие. Рыжков потом признавался, что еще при Андропове была задумана программа коренных экономических преобразований в стране, в последствие названная «перестройкой».

Настойчивое стремление решить вопрос с Афганистаном военным путем, думаю было вызвано фобией, полученной им в ходе восстания в Венгрии. Тогда он был послом в этой стране, все происходило на его глазах и подавление антикоммунистического восстания проходило под его руководством. В тот раз получилось решить вопрос с беспорядками быстро и

с наименьшими потерями вводом войск Варшавского договора. С Афганистаном произошла ошибка.

Протежирование Горбачеву, Калугину – кадровая ошибка.

КГБ считалось сильнейшей спецслужбой в мире, но почему просмотрели события, предшествующие Апрельской революции в Афганистане? Исламскую революцию в Иране? В Ираке? Упустили многие события в других странах Ближнего Востока, Азии, Африки и Латинской Америки?

Слишком много ошибок, не находите? – завершаю.

Романов останавливается, оглядывается, как будто не понимает, где находится и поворачивает в обратную сторону. Поравнявшись с Ксенофонтовым, кивает ему, разрешая присоединиться к нам. Некоторое время идем молча.

– Петр Петрович! Займись, пожалуйста, устройством Сергея в ленинградскую школу. Если понадобится поддержка сверху сообщи. Времени практически не осталось, – попросил он. – Ты сам, в какую школу хочешь? – интересуется у меня.

Пожимаю плечами. Не думал об этом.

– Наверное, поблизости от места жительства, – предполагаю я. – Кроме этого хочу заниматься боксом, – сообщаю о своей мечте. – Но об этом, более предметно можно говорить только после решения родителей о переезде.

– Родители могут переезжать не один месяц, а в школу надо идти уже через десять дней, – логично напомнил Петр Петрович. – А бокс тебе зачем? Это от тренировок у тебя мозоли на суставах? Такие мозоли видел у занимающихся восточной борьбой. Ты какой борьбой занимаешься? – интересуется.

«Заметил, черт глазастый! Зачем при всех-то спрашивать?» – смущаюсь и пытаюсь непроизвольно спрятать руки. Романов заинтересованно покосился на мои кисти.

– Занимаюсь, как могу в моих условиях, но всегда мечтал тренироваться у профессионального тренера, – признаюсь.

– За мозги свои не боишься, что на боксе их повредят? – ехидно поинтересовался Григорий Васильевич, напомнив на мои опасения медикаментозного вмешательства в работу мозга.

– Не боюсь. Не собираюсь становиться профессиональным боксером. В уличной драке скорее можно получить травму головы. На секции хочу научиться защищаться и уклоняться, – разъясняю, чтобы не вздумали дилетанты запрещать мне заниматься моим хобби.

– Ну-ну, – скептически хмыкнул Романов. – Петр Петрович поинтересуется, чему тебя там могут научить, – многозначительно взглянул на Ксенофонтова.

Тот понимающе кивнул. «Это, что? Мне теперь постоянно находиться под колпаком у «Мюллера»?» – мысленно завопил. Не дождетесь! Не собираюсь жить под постоянным контролем посторонних людей и отчитываться куда хожу, чем занимаюсь, с кем дружу и сплю. ... Пусть даже этот контроль организован из лучших побуждений. Похоже, у меня вырисовывается еще одна проблема, о которой не подозревал. Надеюсь, что у Ксенофонтова не хватит времени заниматься только мной, ведь у него есть основная работа, но «стукачками» окружить может.

Некоторое время меня не достают вопросами. Взрослые идут на пару шагов впереди и тихо переговариваются. Стараюсь не прислушиваться, а думать о своем. Вспоминаю об обещании Эдику, ремонте в квартире тети Светы и скором возвращении домой – к Маринке и Гульке!!!

При подходе к полянке Романов вдруг оборачивается ко мне и вспоминает:

– Ты песню о блокаде так и не спел! Сейчас, после ушицы, как? Споешь? Слушателей не постесняешься?

Улыбаются оба. Киваю, соглашаясь, а сам принохиваюсь к божественному запаху. Рот мгновенно наполняется слюной.

– Трофимыч, скоро у тебя? – интересуется Ксенофонтов и направляется к костру.

– Почти готово, – отвечает, шаманивший у котла опытный рыбак.

Романов присаживается за столик, на котором уже стоит стопка пластмассовых мисок, тарелка с крупно нарезанным черным хлебом и блюдо с салатом из огурцов и помидоров. Сверху пучок целых перьев зеленого лука. Так и захотелось схватить перо и, макнув в солонку откусить, испытав сладко-соленую луковую горечь, которую тут же заесть черным мягким свежим хлебом. Понимаю, что на свежем воздухе аппетит разыгрался не на шутку.

– Игорь! На столе чего-то не хватает, – намекает Григорий Васильевич.

Один из охранников понимающе улыбается и, кивнув головой, приносит из машины бутылку водки, две бутылки лимонада и стопку пластмассовых стаканчиков.

– Вот это дело! – отозвался от костра Трофимыч. – Как раз для ухи не хватает!

Взял после разрешающего кивка Романова бутылку, сорвал «козырек» и плеснул в кипящую воду. Сыпанул какие-то приправы, лаврушки и соли. Помешал черпаком. Наклонился и, выбрав дымящуюся головешку из костра, сунул в бульон.

– Все, снимаем, – командует Ксенофонтову.

Вдвоем снимают перекладину с котелком с рогатин и осторожно относят в сторону. В завершении Трофимыч накрывает котелок крышкой.

– Пока настаивается можно отметить удачную рыбалку, – намекает, глядя хитро на главного среди нас. – Правда, было бы лучше пораньше приехать сюда. Основной клев пропустили, – сожалеет. – На вечернюю зорьку останетесь? – надеется.

– Петр Петрович, командуй, – распоряжается Романов. – Хорошо здесь! – отметил, задумчиво поглядев в озерную даль. – Но надо ехать. Дел невпроворот, – отвечает, наконец, Трофимычу. – Для дома рыба осталась? – интересуется.

– А как же. Как договаривались, – отзывается довольный мужик, получая стопку с водкой от Петра Петровича и выбрав кусок «черняшки» застыл в нетерпеливом ожидании разрешения выпить.

– Присаживайтесь, чего стоите? – буркнул Романов, неторопливо цепляя ложкой салат и берясь за стопку.

Ксенофонтов, кивнув приглашающе мне, садится за стол.

– Будем здоровы! – мазнув по мне взглядом, Романов чокнулся с двумя собутыльниками и выщедил водку. (Охране не наливали).

Как и мечтал, выбрал луковое перо и, обмакнув с солонку, зажевал с хлебом.

Как самому молодому, мне пришлось принести тарелку с ухой Романову по намеку Ксенофонтова. Потом уже получать свою порцию. Трофимыч хозяйничал у котла. За столом мы оказались втроем. Григорий Васильевич отказался от второй стопки. Ксенофонтов тоже. Один Трофимыч довольно крякнув, без тоста опрокинул водку в себя и с удовольствием лежа на траве стал наворачивать уху. Охранники ели, расположившись на бревнах.

Уха оказалась божественная! Душистая и наваристая. Омрачали удовольствие многочисленные мелкие рыбные косточки, но все равно с удовольствием наворачнул две тарелки и если бы не насмешки старших товарищей над моим аппетитом, то поднапрягшись, мог бы осилить еще одну.

Романов отодвинув тарелку с оставшейся ухой, терпеливо ждал, когда запью обед лимонадом. Ксенофонтов с удовольствием курил.

– Ну, что, поел? – поинтересовался Григорий Васильевич. – Исполни свою «Дорогу жизни», – предложил.

Все заинтересованно уставились на нас. Кивнув и отодвинувшись от стола вместе со стулом, опустил голову, вспоминая слова песни и интонации Розенбаума. Тихо начинаю:

На пальцы свои дышу – не обморозить бы

Снова к тебе спешу Ладожским озером

Закончив, поднимаю голову. Все удивленно смотрят на меня и молчат. Только пьяненький Трофимыч не утерпел:

– Хорошая, какая песня! Правдивая. Никогда не слышал. Кто написал?

Вижу – Романов с интересом ожидает моего ответа. «Подозревает в плагиате?» – мелькает мысль. Не доказать и не обвинить.

– Впечатлился военной кинохроникой и вот получилось, – сообщаю, глядя ему в глаза.

Григорий Васильевич, вздохнув, отвернулся к Ксенофонтову. Они переглянулись. «Подозрения в присвоении чужого творчества, подрывают веру в мою честность и порядочность», – соображаю.

– Спой еще ... свое, – предлагает Григорий Васильевич.

«Не верит в мои возможности самостоятельно сочинять песни!» – догадываюсь. «Как же его убедить? Надо ему спеть песню, в которой большинство слов моих», – решаю и запеваю «Старые друзья» на мотив Любэ:

*А ведь когда-то мы могли
Сидеть с гитарами всю ночь
И нам казалось, что всю жизнь
Мы будем вместе все равно...*

*Сергея, Вовка и Андрей.
Виталий, Генка и Сергей.
Сергея, Вовка и Андрей.
Виталий, Генка и Сергей...*

– Это ты о своих друзьях из барака? – пришел на мне на помощь Ксенофонтов.

Киваю. Романов покосился на него.

– А еще? – предлагает.

Напеваю «Ребята с нашего двора»:

*...И припомнятся звуки баяна
Из распахнутых в вечер окон,
Копу вспомнишь, соседа-буяна
И распитый в сортире флакон.
Помнишь, пиво носили мы в банке,
Ох, ругался на это весь двор
И смолили тайком мы с Сергеем в сарайке,
А потом был с отцом разговор...*

Вижу, что песни нравятся всем, только не понимают, что происходит и вопросительно поглядывают на главного критика, а Романов не проявляет эмоций.

– Про войну есть у тебя что-нибудь еще? – наконец проявляет он интерес.

Не отвечая напеваю «О той весне»:

*Кино идет – воюет взвод.
Далекий год на пленке старой.
Нелегкий путь – еще чуть-чуть,*

И догорят войны пожары...

*... И все о той весне увидел я во сне.
Пришел рассвет и миру улыбнулся, -
Что вьюга отмела, что верба расцвела
И дедушка с войны домой вернулся!..*

– У меня дед был политруком батальона. Погиб в 1942 году под Ржевом, а бабушкина двоюродная сестра не пережила блокаду. О других родственниках, которые жили в Ленинграде до войны ничего не известно, – сообщаю слушателям.

Романов чуть скривился и отвернулся смущенно.

– Спой еще чего-нибудь душевное. Не надо о грустном, – попросил Ксенофонтов.
Вспоминаю и пою «Коня» Любэ:

*Выйду ночью в поле с конём,
Ночкой тёмной тихо пойдём.
Мы пойдём с конём,
По полю вдвоём,
Мы пойдём с конём по полю вдвоём...*

Сделав небольшую, паузу пою свою любимую песню «Рождества»:

*Ты знаешь, так хочется жить
Наслаждаться восходом багряным
Жить, чтобы просто любить
Всех, кто живёт с тобой рядом...*

– Мне нравится, – неожиданно признается Романов.

Все оживляются и начинают меня хвалить, расспрашивать и просить спеть чего-нибудь еще. Смущенно улыбаюсь и смотрю на главного в нашей компании. Григорий Васильевич, улыбаясь, кивает.

– Жалко, что гитары нет, – сетую.

Решаю немного «потроллить» политика и пою Газманова-Шевчука:

*Пушкин, Толстой, Достоевский, Чайковский,
Врубель, Шаляпин, Шагал, Айвазовский,
Нефть и алмазы, золото, газ,
Флот, ВДВ, ВВС и спецназ.
Водка, икра, Эрмитаж и ракеты.
Самые красивые женщины планеты,
Шахматы, опера, лучший балет,
Скажите еще, чего у нас нет?
Варшава и СЭВ, сегодня за нас
Где были б они, если б не было нас
Нами выиграна Вторая мировая война,
Вместе – мы самая большая страна.*

Я рождён в Советском Союзе,

*Вырос я в СССР!
Я рождён в Советском Союзе,
Вырос я в СССР!..*

Народ оживился от заводной песни. А Романов добродушно усмехаясь, заявил:

– Ну, наворотил!

Оглядывает всех и распоряжается:

– Давайте собираться. Хватит, отдохнули. Нашему композитору лучшую рыбину. Кивает на меня, улыбаясь.

– Это мы запросто, – подхватывается Трофимыч, но вождельно косится на недопитую водку.

Благодушно улыбаясь, Григорий Васильевич кивает:

– Ладно, прими на посошок! А ты, если хочешь, еще тарелку ухи можешь съесть, – обращается ко мне. – Вон сколько осталось! – кивает на котел.

Отказываюсь, чувствуя сытость, хотя мог бы осилить еще, если бы меня поддержали. Наливаю лимонад.

Ксенофонтов кивает мне на грязную посуду. Дедовщина!

– Ополосни, Галка потом вымоет, – советует, возящийся у воды с рыбой Трофимыч. – А котел продрай с песочком.

Игорь приносит оставшуюся посуду, ложки и сам ополаскивает. Другой охранник обходит территорию и убирает мусор. Романов с Ксенофонтовым складывают и переносят имущество в машины.

Вскоре начинаем движение. Романов теперь сидит с Ксенофонтовым. Трофимыча отправили с охранниками вперед.

– Эти песни из будущего? – поворачивается ко мне.

– Раньше музыкой и песнями не увлекался. Слушал, но сам не сочинял и не пел. Порой приходит в голову мелодия, иногда со словами – строчкой или рифмой. Приходится сочинять дальше самому. Некоторые мелодии похожи на те, которые когда-то слышал, но в идентичности не уверен. Попробовал только недавно писать песни и петь. Людям нравится. Музыканты не морщатся от моего голоса и слуха, – разъясняю, стараясь выразиться обтекаемо, но искренне.

– А если кто-то из авторов признает песню своей? – интересуется.

– Если я сомневаюсь в своем авторстве музыки или слов, то не заявляю об этом, – убеждаю.

– Надо тебя показать специалистам, – утверждает Григорий Васильевич.

«Алло! Каким специалистам? Мозголомам? Да, пошли вы все!» – паникую мысленно и отшатываюсь от собеседника.

– Специалистам по эстрадной музыке, – успокаивает, понимающе улыбаясь. – Но сначала реши вопрос с переездом, – напоминает.

Стоило автомобилям остановиться во дворе дачи, как Романов сразу пошел в дом. Галина Петровна, встретив Трофимыча не задумываясь отвесила тому оплеуху и зашипела:

– Все люди, как люди! Один ты умудрился нажраться!

Интонацией она мне напомнила маму, только та руки не распускала. Провинившийся муж (или кем он ей приходится?) только что-то бубнил, оправдываясь. Охранники, переглядываясь, прятали усмешки.

От улова все отказались, зато мне вручили две щуки среднего размера.

На вопрос Ксенофонтова – куда меня везти, пришлось назвать станцию метро Московская. Предполагаю, что рано или поздно придется называть адрес и телефон тети.

Романов взял с меня обещание определиться со школой и сообщить Петру Петровичу. Расстался со мной доброжелательно, несмотря на некоторые острые моменты в нашем прошедшем разговоре. Вероятно, хочет все тщательно обдумать и определиться с дальнейшими действиями. Мое положение, несмотря на некоторые установки и подвижки, остается неопределенным. Надеюсь, что Романов уже не будет сидеть, сложа руки, не препятствуя продвижению к власти будущих могильщиков СССР.

Тетя Света.

Тетя обрадовалась моему появлению и обозвала «добытчиком». Знала бы чего я смог реально добыть! Валентин Валентинович продолжал работу, не считаясь с выходными днями.

Еще в машине распланировал свои действия на ближайшие дни. Сегодня вечером сообщая тете о предложении Романова, но без фамилий и целей, чтобы не шокировать. Завтра – в воскресенье встречаюсь с Эдиком и его подружками, так как дома делать мне нечего. Тетя сама сможет присутствовать при ремонте. Выбирая школу, отдаю предпочтение ближайшей, расположенной через дом от нашего. Крышу видно из окна. Думаю, что и без углубленного изучения физики и математики смогу поступить в любой технический ВУЗ на выбранный факультет. Это ведь не блатной МИМО и не театральная ВУЗ. Хотя думаю, если бы попросил своего влиятельного знакомого, то поддержка при поступлении у меня бы была. Учась в обычной школе, несомненно, буду иметь больше свободного времени, которое пригодится для занятий спортом (боксом) и музыкой. Большое преимущество – близкое расположение школы. Не придется тратить много времени на дорогу.

Когда стоял под теплым душем и представлял подружек Эдика, эрекция напомнила о том, что у меня давно уже никого не было.

За ужином тетя щебетала о чем-то своем. Жаловалась на постоянную грязь и пыль, сопутствующую ремонту и восторгалась вырисовывающейся красотой. Дождавшись, когда в ее руках не было режущих и бьющихся предметов, сообщил:

– На рыбалке я был с людьми, от которых многое зависит в моей дальнейшей жизни. Там предложили мне с родителями или одному, если те откажутся, переехать на постоянное место жительства в Ленинград.

Тетя Света замерла, переваривая сообщение. Некоторое время сидела с приоткрытым ртом и вытаращив глаза.

– А ты... что ответил? – чуть ли не шепотом спрашивает.

– Согласился, – слегка улыбаюсь, наблюдая за ее реакцией.

– Это же замечательно! – в восторге тетя даже захлопала в ладоши, подпрыгнув на стуле. – С кем ты разговаривал? Откуда эти люди? Почему они тебе сделали такое предложение? – посыпались от нее вопросы.

– Эти люди из Обкома. Возможно, потом я познакомлю вас с кем-нибудь из них. Пока мне предложили выбрать школу для продолжения учебы и при необходимости обещали содействие, – поясняю.

– Из Обкома комсомола?

– Обкома партии, – уточняю.

– Чего они от тебя хотят? – удивляется. – Песни у тебя замечательные, но причем здесь Обком КПСС?

Пожимаю плечами:

– Иметь такую поддержку никогда не мешает.

– А если ты не оправдаешь их ожидания? – опасается.

– Буду жить и учиться, как все. Хотя и сейчас не собираюсь обращаться к ним за помощью. Сам справлюсь, – успокаиваю.

– Вот и правильно! – успокаивается. – Устроим тебя в нашу школу, – кивает за окно. – Жить будешь у меня. Что там еще твои родители решат? Неизвестно. Может, откажутся от переезда, – планирует довольная. – Чего ты думаешь делать дальше? – любопытствует.

– Завтра, с вашего позволения, собираюсь съездить в Петродворец к своему другу. Давно обещал. В понедельник схожу в школу и поговорю с администрацией о переводе. Узнаю, какие

документы нужны для этого. Позвоню своим знакомым. Они будут ждать звонка. Потом поеду домой, – рассказываю о планах. – Времени почти не остается до первого сентября, – сожалею.

– Откуда у тебя друг из Петродворца? – удивляется.

– Я коммуникабельный, – улыбаюсь.

– Это точно! – соглашается и радостно смеется. – А если в нашу школу не возьмут? – тревожится.

– В понедельник и узнаем, будут ли они стелить передо мной ковровую дорожку и заказывать оркестр? – шучу.

– Ну, тебя! – отмахивается, улыбаясь. – Это дело серьезное. В понедельник отпрошусь с работы и с тобой пойду, – принимает решение. – Пусть только попробуют тебя не взять! Я им такое устрою! – грозит.

Мысленно усмехаюсь. Не могу представить, чтобы тетя может кому-то чего-то «устроить». Не боевая и не пробивная она по характеру. От огорчения способна только поплакать в одиночестве. Понимая это, она непоследовательно, как все женщины предлагает:

– Тогда мы обратимся к твоим знакомым! И прекрати меня называть на «Вы», мы же родные люди, – заявляет.

– Хорошо тетя, – покладисто соглашаюсь и иду к телефону, звонить Эдику.

Как и ожидалось, друга дома не было. Последние дни каникул использовались им с полной отдачей, не жалея сил для подготовки к новому напряженному учебному году. Отец Эдика, узнав меня, позвал к телефону Игоря – младшего брата.

– Эдика сейчас нет дома. Тебе сегодня было несколько звонков. Братан разговаривал. Могу дать телефон, по которому можешь его найти, – сообщил, понизив голос.

– Давай, – мысленно ухмыляюсь: «Шифруются от родителей братья!»

Эдик и подруги.

Согласно договоренности, встретились с Эдиком на платформе электрички «Сосновая Поляна». Вчерашний телефонный разговор меня заинтриговал, когда тот давился смехом, рассказывая про телефонные переговоры с моими подружками. Вчера, возле телефона он был не один и не смог сообщить подробности.

– Рассказывай, как прошли переговоры? – первым делом поинтересовался после взаимных приветствий.

– Замечательные у тебя подружки, особенно Гуля. Мне обе понравились. Веселые, шутки понимают, сами шутят. Так что готовься – если не приедешь или не выйдешь на связь, то Гуля приедет сама и кастрирует нас с тобой! – смеется.

– Да, ты что? – шутливо отшатываюсь, – Признавайся, чего ты им наговорил? – допытываюсь.

– Ничего такого. Просто мило поболтали. Правда обеих пригласил в Питер, – оправдывается. – Обе с удовольствием согласились приехать ... в следующий раз с тобой, – признается.

– Думаю, что мои яйца останутся в целости, о вот за твои не поручусь. Мне ведь все девчонки расскажут, что ты им наговорил, – шутливо угрожаю.

– Ничего такого не говорил, правда! – пугается. – Признаю, понравились обе, и хотелось познакомиться, но ни о чем таком не говорил, – заверяет.

– Ладно, поверю на первый раз по своей провинциальной наивности, – соглашаюсь. – Говори, куда идем, сколько будет человек и к чему готовиться? – интересуюсь.

– Сам ничего не знаю. Ленка собиралась обзванивать и собирать подруг, кто не уехал на выходные, – сообщает.

Пошли с Эдиком в гастроном, чтобы там «затариться». Идти в гости с пустыми руками – моветон для нынешнего времени и общества.

Дверь нам открыла его подружка Лена – миниатюрная брюнетка со сформировавшейся по-женски фигуркой и симпатичным личиком. Эдик, улыбаясь, представил нас друг другу. (Второй раз в моей памяти). Поцеловал ей руку и вручил букетик цветов, купленный у бабушки на привокзальной площади. Из квартиры доносились девичьи голоса и смех.

Эдик по-свойски прошел в квартиру, а я дождался приглашения хозяйки. В небольшой комнате находились три грации или полуграции моего возраста и внимательно, оценивающе смотрели на меня. Поздоровавшись, был представлен девчонкам. Одна – самая высокая, тощая и нескладная с короткой стрижкой «включила» манерность светской дамы и протянула пальчики. (Для поцелуя?)

– Марианна, – протяжно представилась.

Просто подержался за них, изобразив плебейское рукопожатие, из-за чего, несомненно, упал в глазах «светской дамы».

Другая – с симпатичным личиком, обычной плотной фигуркой, но в мини юбке, открывающей красивые стройные ножки. «Похоже, спортсменка!» – почему-то уверенно отметил. Назвалась Олей.

Третья – фигуристая блондинка постоянно улыбалась, показывая верхний ряд мелких ровненьких зубов. «Щучка!» – оценил. Приятная на личико, круглолицая с симпатичной улыбкой говорила мало, но готовая всегда поддержать смехом чужую шутку. Звали тоже Леной. Про таких обычно скромно говорят – склонная к полноте. «Вероятно, в будущем разнесет», – предположил про себя. Мысленно отметил тесно сдвинутые бюстгальтером грудки размера первого-второго. На ней единственной были брюки, типа «техасов», плотно обтягивающие широкие и явно упругие бедра.

В будущем никого из них не знал. Той, с кем должен был спать когда-то в будущем, здесь не было. «Алло! Где Галька?» – заинтересовался.

– Все встали и пошли! – бойко скомандовала хозяйка. – Соседка, наверное, справилась с бедой, – предположила, смеясь сама и вызвав смех девчонок.

Мы с Эдиком непонимающе переглянулись.

Ленка без звонка вошла в квартиру напротив и крикнула:

– Галя! Это мы. Ты где?

Махнула нам в сторону комнаты направо, а сама прошла прямо. Девчонки со смехом ввалились в квартиру. Прошли и мы с Эдиком в комнату. Девчонки с шутками разместились на собранном диван-кровати. «В будущем я на этом диване кувыркался с хозяйкой!» – вспомнил.

– Ну, как тебе девочки? – шепотом поинтересовался Эдик.

Пожал неопределенно плечами. Еще не определился и не хотел пока проявлять свой интерес, тем более наш обмен мнениями не остался незамеченным девчонками. Похоже, мое изучение и оценивание не прекращалось девчонками ни на секунду.

Всегда в незнакомой компании чувствую себе скованно в первое время, как правило, молчу и приглядываюсь, зато завидую людям, чувствующими себя уверенно в любой компании и сразу осваивающимися в чужой среде. Эдик вел себя по-свойски, постоянно сыпал шутками и был, как всегда душой компании.

Подумав, кивнул другу и стал выставлять на стол наши гостинцы. Бутылку водки, две – Советского шампанского и две – портвейна. Лимонад, конфеты, печенье, пирожные, колбасу, шоколад и яблоки. Все это сопровождалось восторгами, взаимными шутками и смехом.

Наконец познакомился (повторно) с хозяйкой квартиры – Галиной. Она оказалась не так привлекательна, как показалась мне тогда из-за курсантского спермотоксикоза и пьяного состояния. Правильно говорят про водку и некрасивых женщин. Выглядела Ленкина соседка немного старше остальных девчонок. Одета в короткий домашний халатик и тапочки. При знакомстве с любопытством «стрельнула» глазками. Показалось, что и сегодня у меня с ней может все сладиться, пожелай я остаться на ночь.

К сожалению, я не мог этого сделать из-за ожидающей меня тети. Некрасиво заставлять переживать из-за меня чужого еще человека, ночуя неизвестно где. У нее еще нет иммунитета и той черствости или равнодушия к поведению подростка, которые приобретают родители со временем и смиряются с его выкрутасами. Она чувствует ответственность за меня, так как ее понимает и вероятно болезненно отнесется к моей самостоятельности.

Девчонки дружно накрыли стол. Марианна демонстративно от хозяйственных дел устранилась и просматривала магнитофонные бобины, читая наклейки. Подружка Эдика Ленка вела себя в чужой квартире по-хозяйски.

Со смехом стали рассаживаться за столом. Я оказался между Ленкой-щучкой слева и спортсменкой-Ольгой справа. Напротив, сели Эдик со своей Ленкой. С торцов стола – Марианна у окна, ближе к магнитофону и Галька-хозяйка – ближе к кухне.

Девчонки дружно захотели пить шампанское. Хозяйка, многозначительно метнув взгляд на меня, попросила водки. Эдик предпочел «портвешок». Виновато улыбнувшись Гальке, выбрал тоже шампанское. Девчонки дружно возмутились покушением на их напиток и настояли, чтобы пил, как минимум – портвейн. Жадины.

По этому поводу рассказал анекдот:

«Бессмысленно спорить с женщинами. Проиграешь или выиграешь – всё равно придется извиняться».

Дружно рассмеялись.

– А еще? – попросила соседка справа.

«Есть несколько способов спорить с женщинами. Ни один не помогает!»

Хохотнули. Тут подключился Эдик, почувствовав родную стихию, а я чувствую слева мягкое теплое бедро Ленки.

Наконец хозяйка предложила выпить за знакомство. Дружно чокнулись. Отпил глоток и погонял алкоголь на языке.

Все-таки портвейн в советское время, особенно марочный на вкус и запах кардинально отличается от той бурды, которая в будущем будет называться портвейном и продаваться в супермаркетах по доступным и не заоблачным ценам. Несколько раз пытался «поймать» вкус «трех топориков» или «Кавказа», но так и не получилось. Прекратил эксперименты над организмом после того, как после нескольких глотков непонятного напитка с привычным названием меня замутило и вырвало.

Марианна запустила магнитофон с «Машиной времени» и гнусавым Макаревичем. Внутренне морщусь. Эдик шепнул что-то своей девчонке. Та, хитро поглядев на меня спрашивает:

– Сережа, ты же песни пишешь?

Оглядывает с превосходством окружающих. Все удивленно замолчали. По-видимому, еще не все знали о моих талантах. Ну, Эдик! Ну, жук! Осуждающе смотрю на него. Тот пожимает плечами и улыбается довольный.

– Спой, пожалуйста, – просит Ленка.

Девчонки активно ее поддерживают.

– Тебе гитара нужна? – уточняет и смотрит вопросительно на хозяйку.

– Предупреждать надо заранее, – возмущается та. – За гитарой идти надо к Петьке. Одна не пойду – опять лапата полезет, озабоченный. Эдик сходишь со мной?

– Вместе пойдем, – решает его подружка.

«Вероятно, опасается оставлять милого наедине с соседкой!» – внутренне ухмыляюсь. – Знает, что он из себя представляет, – вникаю во взаимоотношения новых знакомых.

Воспользовавшись отсутствием хозяек, девчонки накинулись на меня с вопросами:

– Где ты живешь? Где учишься? Чем занимаешься? Откуда знаешь Эдика?

Улыбаюсь, пережидая шквал вопросов. Вспоминаю, услышанную в будущем на Дне города начало притчи о своем крае, которая запала в память:

– «На севере Руси Великой, на границе земель Вологодских и Новгородских лежит Земля благодатная. Издавна звали этот край Волокским Верхом. Славился он лесами дремучими, зверьем разным, травами пахучими, медом целебным и урожаями обильными. Жили там красивые, сильные, свободолюбивые люди. И недоступна та земля была иным из-за болот бездонных, кроме как зимой лютой...»

Дальше не помню. Оглядываю личики заслушавшихся девчонок.

– Вот оттуда и приехал. Думаю, десятый класс буду заканчивать в Ленинграде. С Эдиком у нас общие знакомые. В настоящее время он у меня единственный друг здесь, – отвечаю на вопросы.

Наивный! Вопросов появилось еще больше:

– В какой школе будешь учиться? Чем занимаешься в свободное время? Есть ли у тебя девушка? Какие песни знаешь? Кто нравится из современных музыкантов? Где живешь в Ленинграде? Что за шишки у тебя на пальцах? Ты болен?

Смущаюсь и прячу руки под столом. Меня спасают появившиеся ребята с гитарой. Они опять смеются над каким-то рассказом Галины. Наверное, про сексуально озабоченного соседа Петьку.

Марианна моментально меня закладывает:

– А Сережка приехал из недоступной глуши, и теперь будет учиться в Ленинграде!

«Вот, язва!» – мысленно морщусь. Эдик встрепенулся:

– Правда, что-ли? А мне не сказал, – упрекнул.

– Только собирался, – признаюсь.

– Здорово! Давай в мою школу, – предлагает.

– Это мазохизм – ежедневно мучиться в дороге по два часа. Присмотрел школу недалеко от дома родственников в Московском районе. Завтра пойду разговаривать с директором о переводе. Может и не получится, – сообщаю.

– Это тебе оттуда предложили? – догадывается Эдик, указывая пальцем в потолок.

Заинтригованные девчонки мазнули взглядами по потолку и уставились на меня.

– Почти, – признаюсь, не открывая своих покровителей.

Беру в руки гитару, чтобы всех отвлечь от расспросов. Инструмент красив. Дека под темное дерево с тенями по краям. К головке грифа привязан бант. Взял несколько аккордов. Подстроил.

– Чья гитара? – интересуюсь.

– Моя, – признается Галина, – а что?

«Фу, ты!» – выдохнул. Смутил меня бант. Если бы инструмент оказался Петькин, то его наклонности заставляют усомниться в его нормальности.

– Инструмент хороший, – отмечаю.

Все, готов. Смотрю на слушателей и решаю – с чего начать? Беру первый аккорд, пробегаюсь по струнам и пою «Половинку» из репертуара группы «Танцы минус»:

*У ночного огня под огромной луной
Темный лес укрывал нас зеленой листвой
Я тебя целовал у ночного огня
Я тебе подарил половинку себя...*

По мере исполнения по лицам ребят вижу удивление и заинтересованность. По окончании все дружно захлопали. «Танцы минус» рулят! Общее настроение выразила Галька:

– Здорово! Сам написал? Замечательна песня. Напиши слова с аккордами, – попросила. Видимо не зря имеет хорошую гитару. Киваю.

– Потом напишет, пусть сейчас еще спой. Классно, получается! – заявил Эдик.

Опять киваю и пою Расторгуевские – «Ребята с нашего двора» и «Старые друзья».

После общего шума хозяйка не унимается:

– Ты учился где? Что у тебя с руками? Не похожи на музыкальные!

– Эти мозоли набиваются постоянными тренировками при отработке ударов, – неожиданно информирует Ольга, – Знаю одного каратиста. У него такие же, – поясняет дополнительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.